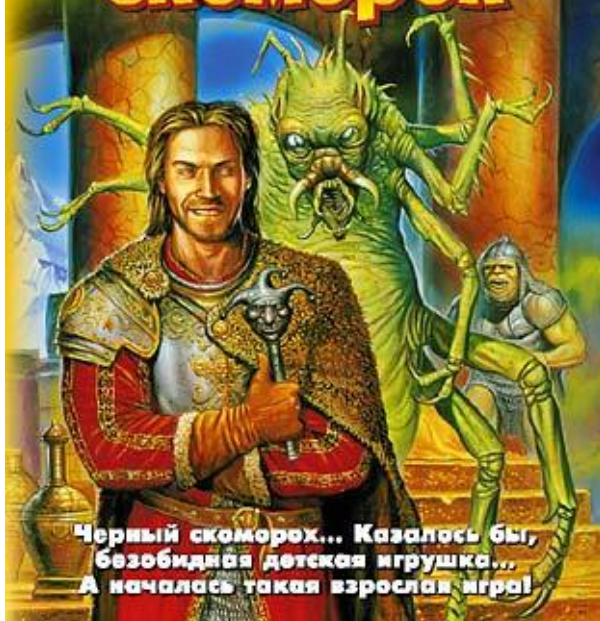

Сергей Шведов

Черный скоморох

Черный скоморох... Казалось бы,
безобидная детская игрушка...
А началась такая взрослая игра!

Сергей Шведов

Черный скоморох

Текст книги предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=168239

*Шведов С.В. Черный скоморох: Фантастический роман: АРМАДА: «Издательство Альфа-книга»
М.; 2004*

ISBN 5-93556-393-2

Аннотация

Кто не мечтает о вселенской известности? Путешествия по новым мирам, писанные красавицы (или знатные юноши), которые выстраиваются в очередь, чтобы с вами познакомиться. Но мало у кого в мечтах возникают при этом монстры, готовые растерзать вас за несколько секунд, колдуны и драконы, у которых на уме может быть все, что угодно. Едва ли в фантазиях при этом рядом оказываются неверные друзья, трусливые соратники или чрезмерно расчетливые покровители. А вот с нашими героями так все и произошло. А началось все с безобидной забавной игрушки.

Содержание

Часть 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Сергей ШВЕДОВ

ЧЕРНЫЙ СКОМОРОХ

Часть 1

СЛЕЗЫ САГКХА

Его сиятельство князь Тимерийский скучал. Возможно, это было томление духа, вызванное долгими поисками смысла бытия. Так, во всяком случае, полагал сам князь. Однако хороший знакомый Тимерийского достойнейший Пигал Сиринский, магистр Белой магии, человек бесспорно сведущий и во многих других науках, касательных духа и тела, полагал, что все дело в несварении желудка, вызванного малоподвижным образом жизни. Кентавр Семерлинг, старый друг и воспитатель с молодых ногтей князя Андрея, своего мнения пока не высказывал, но и не мешал сотрапезникам пространно рассуждать по поводу взволновавшей их проблемы. Его сиятельство томно возлежал на роскошном ложе, потягивая вино из хрустального бокала, а маленький сиринец места себе не находил от мысли, что нынешнее поколение молодых людей губит себя неумеренным потреблением горячительных напитков, обжорством и праздностью. Конечно, было бы нескромным ставить в пример, скажем, себя, магистра Пигала Сиринского, известного, между прочим, на многих ближних и дальних планетах Светлого круга. Но возьмем в качестве примера отца князя Андрея, достойнейшего из храбрейших, Героя, человека не чуждого и наукам, увы, ушедшего от нас в годы совсем молодые и тем не менее успевшего сделать больше, чем иные за долгие годы благополучного существования. Разве жизнь князя Феликса и его героическая смерть не укор молодому человеку, занятому только собственным желудком и дурацким томлением духа? Это в его-то годы возлежать на ложе, когда кровь должна буквально кипеть в жилах, требуя подвигов и великих свершений? И достойнейший Пигал Сиринский никак не может понять, мягко скажем, странной позиции просвещеннейшего кентавра Семерлинга, не желающего воздействовать в нужном направлении на молодого человека. Что бы сказал князь Феликс, увидев своего отпрыска, ведущего малодостойный, растительный образ жизни?!

Кентавр Семерлинг, несмотря на принятую немалую дозу превосходного красного вина, твердо держался на своих четырех копытах, мощный торс глыбой нависал над столом, делая молчание особенно весомым. И малорослый худенький сиринец, и статный широкоплечий Тимерийский адресовали свои аргументы в большей степени к нему, чем друг к другу. Время от времени лицо Семерлинга почти закрывала седая грива, из-под которой посверкивали карие насмешливые глаза.

— Жениться надо человеку молодому,— сделал неожиданный вывод из своих упреков достойнейший Пигал.— Вот и весь смысл жизни.

Князь Андрей возмущенно зафыркал. Столь банальное разрешение всех проблем показалось ему недостойным просвещенного Героя. И уж от кого он не ожидал таких советов, так это от достойнейшего Пигала, только что призывавшего молодежь к подвигам. Надо же было додуматься до такого.

— Это не я додумался,— возмутился Пигал.— Природа.

Однако молодой человек с природой соглашаться категорически не захотел. А потом, на ком жениться-то, а, главное, зачем?

— Это уже другой разговор,— подал наконец голос кентавр Семерлинг.— Жену надо выбирать с толком, особенно Герою.

– Абсолютно достойная кандидатка,– зачастил худенький сиринец.– Дочь весьма почтенных родителей.

– Понятно, к чему ведешь, достойнейший.– Князь Андрей от огорчения даже приподнялся.– А начал-то как сладко – подвиги, свершения!

– Так именно подвиги, человек молодой. Девуцу похитили. Ее благородный родитель король Арлиндии Птах XXI обратился ко мне за помощью, и, движимый состраданием к его горю, я немедленно дал согласие, но по пути заглянул к тебе, просвещеннейший Семерлинг, как к старому другу и мудрому советчику.

– Вряд ли Пигал Сиринский, лучший из достойнейших дознавателей Светлого круга, нуждается в советах. Тем не менее я всегда в твоём распоряжении, магистр.

Похвальная речь кентавра Семерлинга пришлась по душе достойнейшему сириnce, у него порозовела лысина, и даже на щеках, заросших жиденькой бородкой, появился румянец. К сожалению, настроение магистру едва не испортил князь Андрей своей неуместной улыбкой. Впрочем, Тимерийский тут же принес достойнейшему из мудрых свои извинения. Поскольку его улыбка вовсе не была иронической, как это показалось магистру, ибо князь высоко ценит заслуги Пигала Сиринского и его острый ум. Просто Андрея позабавила собственная мысль, что вот он возьмет и женится ни с того ни с сего. Что же касается подвигов, то князь сию минуту готов отправиться на битву с драконом. А плененные кем-то красавицы – это не для него.

– Дались вам драконы! – поморщился сиринец, вполне удовлетворенный извинениями юного друга.– И что вас мир не берет?!

– Традиция,– пожал плечами его сиятельство.– Не нами заведено.

– С такими традициями у нас скоро драконов не останется.

– А может, твою девку, достойнейший Пигал, тоже дракон похитил.

– На что дракону девка, человек молодой, ты сам подумай?

– Раньше-то крали,– вздохнул князь.

– Крали, когда с питанием плохо было, а сейчас у драконов пищи полно. Я был тут днями у шестиглавого Сюзи, так не поверите, бараниной брезгует, гад, курятину ему подавай. Правда, говядину иной раз жрет, но чтобы он с такого стола на красную девушку польстился – да никогда в жизни!

– А где он живет, этот шестиглавый Сюзи?

– Нет, человек молодой. Знаю я вас, Героев. Вам только адресок дай, и шестиглавый станет безглавым. А Сюзи хоть и сволочь изрядная, но мой хороший знакомый.

– А зачем тебя понесло к Сюзи, достойнейший? – удивился Семерлинг.

– Так ведь он жил когда-то на Либии, а я в системе Рамоса редкий гость.

– Система Рамоса,– задумчиво произнес князь Тимерийский.– Это же у Сагкха на рогах, чуть ли не у самой границы Светлого круга.

Достойнейший Пигал хотел было добавить, что это совсем недалеко от планеты Альдеборан в системе Кирина, но передумал. Именно на Альдеборане стоял когда-то замок Лорк-Ней. А из всех его обитателей уцелели только годовалый в ту пору князь Андрей да эта глупая пестрая птица, которая бродит сейчас, распутив хвост, по мраморному полу, путаясь под ногами Пигала Сиринского. Когда-то князь Феликс притащил с далекой планеты яйцо, и из него вывелось крикливое чудо. Кажется, просвещеннейший Семерлинг тоже участвовал в том путешествии, но почему-то не стал препятствовать князю в осуществлении его, прямо скажем, странного желания – оставить себе животное. Такие сюрпризы с чужих планет могут быть весьма опасны. А у князя была странность: тащить в родной замок все, что подвернется под руку.

– Либия – красивая планета,– высказал свое мнение кентавр Семерлинг.– Я был там однажды, правда, довольно давно.

– Так, может, ты составишь нам компанию, просвещеннейший? – Пигал с надеждой посмотрел на кентавра.

– А кому это «нам»? – возмутился князь Тимерийский. – Я, например, еще ничего не решил.

– Как можно, человек молодой! – всплеснул руками магистр. – Герой отказывает в помощи людям, попавшим в беду. Неслыханное дело!

– Может быть, твоя принцесса просто сбежала из дома с хахалем. Хороши мы будем, если это окажется так, нечего сказать.

Достойнейшего Пигала цинизм юного друга потряс до глубины души. Подозревать, и кого, прекраснейшую из прекрасных, нежнейшую из нежнейших, преданнейшую дочь в неслыханном коварстве? Да есть ли хоть что-нибудь святое в нынешних молодых людях?

Князь Тимерийский со скептической улыбкой на красиво очерченных губах выслушал вдохновенную речь магистра, но его сомнений она не развеяла. Взгляды Андрея на противоположный пол уже, оказывается, установились, и менять их он не собирался. Только из глубочайшего уважения к магистру Пигалу князь согласился сопровождать его на далекую планету Либию.

Кентавр Семерлинг, к величайшему удовлетворению достойнейшего сиридца, тоже согласился наведаться на Либию, у него там оказались какие-то дела. Да и вообще, члену Высшего Совета Светлого круга полезно присмотреться к процессам, протекающим в глухом углу.

Пигал предложил отправиться на Либию немедленно, не откладывая дела в долгий ящик. Князь Тимерийский возражал, ссылаясь на усталость, тяжесть в голове и желудке, а также необходимость отдыха перед дальней дорогой. Магистр назвал поведение Андрея просто позорным и призвал брать пример с кентавра Семерлинга, который, несмотря на преклонный возраст, готов не задумываясь, по первому же зову прийти на помощь страждущему. Да и сам Пигал Сиринский, когда речь идет о жизни прекраснейшей из прекрасных, готов бросить все и идти на край света. И как же он разочарован в юном друге, без конца уклоняющемся от выполнения долга.

Тимерийского все-таки уломали. Князь махнул на все рукой, принял еще один кубок красного вина и стал готовиться к переходу. Пигал не преминул укорить его сиятельство в пристрастии к спиртному, чем едва не испортил все дело. Но, так или иначе, скандал замяли. В суматохе, правда, едва не забыли меч князя, хорошо, что в последний момент о нем вспомнил Пигал.

Либия встретила межзвездных путешественников проливным дождем и шквальным ветром, бесцеремонно гнувшим гигантские деревья к раскисшей почве. К тому же темень была такая, хоть глаз коли. Магистр Пигал оступился и едва не утонул в первой же луже. Выбрался он оттуда с помощью кентавра Семерлинга грязный и жалкий, вдоволь нахлебавшись при этом воды.

– Безобразие, – выплюнул он изо рта вместе с изрядным комком либийской грязи. – По моим расчетам, здесь должен находиться город Арпин, столица Арлиндии.

– Значит, просчитался, – спокойно сказал Семерлинг.

– А может, это и не Либия вовсе?

Андрей Тимерийский зябко передернул плечами. Небольшое, прямо скажем, удовольствие после сытного обеда и хорошей выпивки вдруг оказаться под проливным дождем, совершенно голым, в какой-то дыре, даже если эта негостеприимная дыра и Либия, как уверяет магистр. Князь заметил, что он был, безусловно, прав, когда утверждал, что межзвездные переходы следует осуществлять на пустой желудок, после хорошего сна, а не бросаться сломя голову куда попало. Серьезнее надо относиться к таким вещам, как переход сквозь время и пространство. А на Либию и вовсе следовало отправляться с зонтиком.

Шутка Андрея успеха не имела. Пронести сквозь пространство и время даже штаны никому еще не удавалось, не говоря уже о зонте. Неживая материя просто сгорает во время перехода.

Достойнейший Пигал с завистью посмотрел на толстую шкуру кентавра Семерлинга. Вот кому никакой одежды не надо! Что холод, что жара – кентавру все едино. А тут хоть пропадай.

– Сдается мне, что Арпин на севере, – заметил Семерлинг.

– А почему не на юге? – В голосе Пигала слышались и надежда, и недоверие.

– Вы уверены, что это все-таки Либия? – не сдавался князь.

– Человек молодой, – возмутился магистр, – я уже почти сорок лет путешествую по Вселенной, и позвольте мне самому судить, Либия это или не Либия.

Двинулись все-таки на север, как предложил кентавр Семерлинг. Дождь прекратился, ветер тоже стих, но легче от этого не стало. Лес недружелюбно шумел над головами пришельцев, а узкая звериная тропа, по которой повел их кентавр, ничем не напоминала королевскую дорогу. Вверху потрескивало и пересмеивалось, а из глубины чащи доносилось предостерегающее рыканье и похрюкивание. Пигал довольно скоро устал, и Семерлингу пришлось посадить его на свою широкую спину. Андрей споткнулся о невидимый в темноте корень, поцарапал ногу и теперь плелся в хвосте, проклиная себя за согласие принять участие в экспедиции. Либия, она и есть Либия. Дыра дырой. Сомнительно, чтобы в подобной грязи вырастали прекраснейшие цветы, о которых так любит рассуждать достойнейший магистр.

– Какие цветы? – возмутился сиринец. – О цветах и разговора не было.

– Это поэтический образ, – пояснил ему Семерлинг.

– Одно слово – седьмая планета Рамоса. Да что тут вообще может быть кроме гнуса, непроходимых лесов и вонючих болот.

Насчет болот князь Андрей прав. Не прошло и пяти минут, как он угодил в трясины, уклонившись всего лишь на несколько шагов от пролагаемого кентавром маршрута. Если честно, то Андрей попросту задремал на ходу. Кентавру пришлось поднапрячься, вытягивая неосторожного воспитанника из липкой грязи. Князь Андрей так устал за время долгого ночного путешествия, что даже не отреагировал, когда на него из кустов вместе с первыми лучами капризного Рамоса вывалилось мохнатое и клыкастое чудовище. Кентавр Семерлинг оглушил хищника ударом огромного кулака, а потом добавил задним копытом.

– Поздравляю, – иронически заметил Пигал. – Ты, князь, обленился уже настолько, что не способен справиться даже с обычным ливийским мухором.

– Просто не успел. Кто вообще мог знать, что в этом проклятом лесу водится живность покрупнее гнуса.

– Ты проклятых лесов не видел, человек молодой. Либийские заросли – это рай для путешественника.

– Особенно если на чужом горбу через этот рай ехать, – ехидно отозвался князь.

На дерзкий выпад юнца достойнейший из мудрых не счел нужным отвечать, зато он не преминул заметить Тимерийскому, что его сомнения по поводу планеты совершенно беспочвенны – мухоры водятся только на Либии, и любой здешний разгильдяй без труда берет их при нужде на копые.

– А вот и Арпин – столица славной Арлиндии.

Семерлинг произнес эту фразу, когда у Андрея вот-вот должно было лопнуть терпение. Столица как столица. Город, каких во Вселенной считать не пересчитать. Улочки узкие, вымощенные камнем. И на этих улочках зевак, словно на навозной куче мух. Кентавра они, что ли, не видели? Хотя и без того по уши грязные и голые путешественники могли произвести впечатление на кого угодно. На шуточки обывателей Арпина князь Тимерийский не

реагировал, зато устроил грандиозный скандал у королевского замка, когда растерявшаяся стража не сразу открыла чужакам ворота.

Единственное, что пришлось по душе сиятельному в замке короля Птаха XXI, – это баня, ну и березовый веник, которым охаживал его достойнейший Пигал. Пуховые перины тоже были ничего, настолько ничего, что Андрей провалился на них без всяких сновидений до самого утра.

А поутру, вместе с первыми лучами Рамоса, в его комнате появился и сиринец, разодетый как райская птица, изображение которой красовалось над кроватью князя Тимерийского. Где он и продолжал лежать, стараясь не смотреть на назойливого магистра. Нельзя сказать, что Андрей чувствовал себя уставшим, нет, он чувствовал себя совершенно разбитым после суточного перехода по лесным дебрям. К сожалению, достойнейший Пигал не пожелал принять во внимание болезненное состояние молодого человека и трещал без умолку.

– Прекраснейшая из прекрасных, принцесса Елена, пропала вот уже почти месяц тому назад в бурных водах Великого Либийского океана, полагают, что ее похитили пираты, – с придыханием поведал Пигал. – Самые худшие мои подозрения подтвердились. Король Птах и его молодая прекрасная супруга Асольда, дочь незабвенного императора Мессонии Сайры Великодушного и мачеха прекрасной Елены, пребывают в неутешном горе.

– Какого еще Сайры? – поинтересовался Андрей, чтобы не показаться магистру совсем уж безучастным и невежливым.

– Великодушного, – пояснил Пигал. – Свое прозвище он получил в три тысячи двадцать первом году по местному летоисчислению, когда простил своей супруге любовную связь с блистательным рыцарем и полководцем бароном Гигом Сигирийским, победителем в столетней войне.

– Логичнее было бы назвать его Рогоносным, – пожал плечами князь.

– Как можно, человек молодой! – всплеснул руками сиринец. – Это же в некоторой степени ваш будущий дедушка.

– С какой это стати? – страшно удивился Андрей.

Настолько удивился, что даже оторвал голову от подушки и с подозрением уставился на магистра.

– Вот тебе раз! – возмутился достойнейший из мудрых. – Ты зачем сюда прибыл, человек молодой? По моему разумению, ты прибыл на Ливию, чтобы освободить несчастнейшую из прекрасных принцессу Елену, и жениться на ней.

– О женитьбе разговора не было, – запротестовал Андрей.

Сиринец, потрясенный таким ответом, даже руками замахал:

– Так зачем же освобождать, человек молодой, если потом не жениться?

Вопрос достойнейшего Пигала поставил его сиятельство в тупик. А действительно, зачем он вообще приперся на Ливию, когда так хорошо и уютно было дома? Еще чего доброго жениться заставят на какой-нибудь местной мымре.

– Прекраснейшая из прекрасных Елена Арлиндская по завещанию Сайры Великодушного провозглашена наследницей трона Мессонской империи, поскольку считается внучкой Сайры. На самом деле она таковой не является, так как жена Птаха XXI, Асольда Мессонская, ей вовсе не мать, а мачеха. К тому же, как я уже упомянул вскользь, эта мачеха последнему императору Мессонии не дочь, а совсем даже наоборот: она дочь славного рыцаря барона Гига Сигирийского. Именно поэтому Сайра Великодушный и завещал свой трон не дочери, которая ему не дочь, а внучке, которая ему не внучка, и только в случае смерти прекрасной Елены этот трон отойдет к не родившемуся отпрыску Асольды Мессонской и Птаха Арлиндского. Но поскольку Птах Арлиндский очень любит свою дочь, которая ему дочь, у этого отпрыска мало шансов появиться на свет, тем более что король Арлиндии уже далеко не молод. А королева Асольда как раз молода и жаждет наследника, которого еще больше

ждет Гиг Сигирийский – ее отец. Наследник позволит ему объявить себя регентом и прибрать к рукам мессонский трон, удерживаемый им силой, уже на вполне законных основаниях, оставив с носом короля Птаха XXI и его многочисленных сторонников, которые ждут не дождутся воцарения Елены Арлиндской в Мессонии, чтобы править из-за ее спины. За Еленой из Мессонии был послан корабль с ее верными сторонниками, лютыми врагами Гига Сигирийского, и вот этот корабль пропал без следа, а с ним пропала и Елена Арлиндская, разрушив тем самым планы любящего отца.

– Какой кошмар, – только и смог выговорить после всего услышанного князь Андрей.

– Чего не бывает в благородных семействах, – утешил молодого друга достойнейший Пигал. – Важно, что ты получишь и арлиндский и мессонский троны разом и тем самым поможешь разрешить сложнейший кризис, возникший на Либии.

– Я на обеих сразу должен жениться?! – потрясенно переспросил Тимерийский. – На дочери, которая не дочь, и на внучке, которая не внучка?

– Как можно! – ахнул от возмущения достойнейший Пигал. – На Елене Арлиндской ты должен жениться. А об арлинском троне я упомянул в перспективе. В том случае, если у короля Птаха и королевы Асольды не будет наследника.

– Надо бы взглянуть на Асольду, если уж Елены пока нет под рукой, – задумчиво проговорил князь.

– Человек молодой, это же ваша будущая теща, – укоризненно покачал головой Пигал Сиринский. – К тому же я поручился за тебя перед королем Арлиндии, иначе нас в королевский замок и на порог не пустили бы.

– Это еще почему?

– Дело в том, что Асольда Мессонская королю Птаху в некотором роде не жена, то есть официально она ему жена, но до факта дело пока еще не дошло.

– Ничего себе фифа! Мало того что она своему папе не дочь, так она еще и мужу не жена.

– Асольда Мессонская всего лишь жертва политического кризиса. Стоит ей только родить сына, как Гиг Сигирийский тут же объявит его императором Мессонии, и тогда все пропало.

– Ну а я-то тут при чем?

– Отпрыск может родиться не только от короля Птаха, но и от любого мужчины, пойдя потом докажи. Поэтому даже королевскую стражу во внутренние покои замка не допускают.

– Король Птах не желает быть Великодушным, – сделал вывод князь, по мнению достойнейшего Пигала, абсолютно верный.

После этого князь Андрей Тимерийский не кинулся спасать свою попавшую в беду невесту, а остался лежать на арлинских пуховиках, разглядывая от нечего делать развешанные по каменным стенам гобелены. По мнению князя, гобелены были так себе: рыцари, похожие на пивные бочки, пронзали толстыми палками драконов, дохлых и маломерных по сравнению с рыцарями.

– На старинных гобеленах изображен король Птах XVII, убивающий шестиглавого дракона.

– И что, действительно убил? – удивился Андрей.

– Исключительно между нами, – Пигал даже понизил голос. – Этим шестиглавым драконом был мой знакомый Сюзи. Птаха XVII он слопал вместе с доспехами. Жаловался мне как-то, паразит, что у него с тех самых пор несварение желудка.

Наверное, достойнейшему Пигалу так и не удалось бы раскачать молодого человека на великие деяния, если бы со двора в открытое окно не долетел бы женский смех, а затем и пение. Причем голос был настолько приятным, что князь Тимерийский даже приподнялся на локте.

– Асольда Мессонская,– пояснил магистр.– Создание ангельской красоты и кротости, со смирением переносящая выпавшие на ее долю невзгоды.

– Надо поздороваться, а то невежливо дрыхнуть в чужом замке, не взглянув на хозяйку.

– И дрыхнуть уже двое суток,– захихикал Пигал.– Деяние бесспорно героическое и будет занесено в анналы Арлиндии.

– Неужели двое суток? – не очень удивился Тимерийский.

– За это время просвещеннейший кентавр Семерлинг успел переделать кучу дел и отбыл на Сиду в системе Коруса.

– Жаль, что не попрощались,– равнодушно бросил князь.

– Зато у вас есть возможность поздороваться,– ехидно заметил сиринец.– Королева Асольда уже дважды о тебе спрашивала.

Андрей сел и с хрустом потянулся. Вообще-то устал он гораздо меньше, чем полагал. Еще полчаса назад ему казалось, что он не в силах пошевелить ни рукой, ни ногой, но сейчас князь с удовольствием прошелся колесом по комнате, смахнув мимоходом вазу с подставки. Вероятно, это ангельский голосок на него так подействовал.

– Легче, человек молодой,– осадил князя Пигал Сиринский.– Зарийский фарфор целое состояние стоит.

– Одежду мне дадут? – спросил его сиятельство, притопывая по каменному полу.

Достойнейший Пигал торжественно указал молодому другу на кресло, где лежали расшитые золотом камзол и штаны:

– Одежда вполне достойная жениха Елены Арлиндской.

Андрей с интересом глянул на вшитые в штаны колокольчики:

– Это у них мода такая?

– В некотором роде. Скорее, это сделано из предосторожности.

Из предосторожности и подошвы на башмаках, предложенных князю, оказались деревянными, чтобы при ходьбе отбивать по полу барабанную дробь.

– Очень мило,– заметил князь.– С этими бубенцами я похож то ли на рысака, то ли на придворного шута.

Достойнейший Пигал был иного мнения: князь смотрелся картинкой, что, бесспорно, будет приятно отцу Елены Арлиндской, но, возможно, обеспокоит мужа Асольды Мессонской.

Шли они к королеве, а попали к королю Птаху XXI, милому старичку мухоморного возраста, одетому в черный траурный камзол. Что подчеркивало безутешное горе отца по исчезнувшей дочери, как шепотом сообщил князю Андрею Пигал Сиринский. Шепот, впрочем, был настолько громким, что сидевшие в комнате писцы вздернули головы как по команде. Его величество был занят делом, об этом свидетельствовали груды манускриптов, разбросанных по столам и полу.

– Ученейший из ученых, светило исторической и философской мысли.– На этот раз шепот достойнейшего магистра слышно было даже во дворе.

Услышал его и король Птах XXI, не обладавший, к сожалению, изощренным слухом, что создавало опытным льстецам некоторые проблемы.

– Рад вас видеть,– ласково приветствовал его величество гостей.– Тем более что ныне пребываю в неутешном горе.

Достойнейший Пигал сочувственно вздохнул и укоризненно глянул на ленивого Героя: быть может, хоть горе отца тронет это бесчувственное сердце.

– Сожрали, паразиты, наверняка сожрали! – Птах XXI смахнул слезу с морщинистых век.

– Да не может быть! – ахнул потрясенный Пигал.

– Вот вам и не может,– вскипел чайником его величество.– Проморгали, прогуляли, дармоеды! Целых две страницы сожрали мыши!

Горе короля было столь неутешным, что он, проходя мимо, дважды лягнул в ляжку нерадивого писца в сером, который стоял тут же с видом осужденного на казнь.

– Как раз те самые страницы, где описаны подвиги моего предка Птаха XVII, победившего шестиглавого дракона Сюзи.

– Наоборот,– слабо пискнул писец.– Это дракон сожрал короля.

– Какая наглость! – возмутился Птах XXI.– Да как ты смеешь, неуч, мне перечить! Вот и достойнейший Пигал подтвердит мою правоту.

– Безусловно,– с готовностью кивнул головой сиринец.– Храбрейший из храбрых король Арлиндии Птах XVII убил дракона Сюзи ровно триста лет тому назад. Все либийские хроники об этом пишут.

– Понял, балбес,– король Птах брызнул слюной на незадачливого летописца.– Чтобы к утру все было восстановлено в лучшем виде. И пергамент возьми постарее – старому больше веры.

Его величество еще долго ворчал по поводу окружающих трон негодяев, которые смеют воображать, что знают больше своего короля.

– Величайшего ученого не только Арлиндии, но и Либии,– громко добавил Андрей Тимерийский и пнул в зад уходящего писца.

Сей подвиг был немедленно отмечен его величеством королем Птахом XXI, и осыпанная бриллиантами звезда упала Герою на грудь вместе со слезой признательности арлиндского государя.

– Труды ученейшего из ученых короля Птаха XXI с вниманием и тщанием изучаются не только на Либии, но и у нас на Сирине,– напомнил о себе Пигал Сирийский.

То ли король Арлиндии был уж очень щедрым человеком, то ли алмазам на Либии не знали цены, но только и магистр Белой магии не ушел без награды. Правда, звезда ему досталась меньшего размера, чем князю.

Достойнейший Пигал вполне был доволен и самим собой, и завершившейся аудиенцией у короля и не сводил влюбленных глаз с ордена, сияющего на груди. Князь Тимерийский, в отличие от магистра, идя по замку, смотрел по сторонам и не пропустил ни одной юбки, благо этого добра в замке хватало. Чего не скажешь о штанах, на которые дефицит был явным. Впрочем, последнее обстоятельство нисколько не огорчало князя.

– А как же несварение желудка у твоего друга дракона Сюзи? – спросил магистра бестактный князь.

– История болезни моего знакомого Сюзи и история королевства Арлиндии – это две совершенно разные истории, и не стоит их путать, человек молодой,– наставительно заметил Пигал, с трудом отрывая глаза от усыпанной алмазами звезды.

– Похоже на то,– согласился Тимерийский, любуясь при этом прелестным личиком белокурой девицы, рассыпавшей при виде Героя белые жемчужины меж двух алых лепестков, а проще говоря, благосклонно улыбнувшейся князю.

– Асольда Мессонская,– придворным шепотом поведал Пигал.– Прекраснейшая из прекрасных, добродетельнейшая из добродетельных.

– Хороша девка,– не менее громким шепотом подтвердил Тимерийский, чем привел достойнейшего из мудрых в ужас.

Впрочем, благородная Асольда либо не слышала, либо сделала вид, что не слышит бестактных слов молодого человека, и даже снизошла до того, что подала ему руку, а также уронила слезу, и вовсе не по поводу съеденных мышами рукописей, а по поводу своей падчерицы, пропавшей в водах Либийского океана.

– Елена Арлиндская будет спасена,– сообщил достойнейший Пигал собравшимся вокруг ее величества дамам.

Пигалу Сиринскому поверили сразу же, а Асольда Мессонская даже выразила желание наградить Героя за предстоящие труды поцелуем, чем вызвала аплодисменты своих молоденьких подружек и глухое недовольство старых ворон, назначенных охранять этот птичник от залетных ястребов вроде звездного Героя. Ее величество заметила, что поцелуй будет материнский, и пусть сгорят от стыда те, кто плохо об этом подумает. Вероятно, никто ничего плохого не подумал, поскольку со стыда никто не сгорел, хотя королева слегка затянула, по мнению магистра, поцелуй признательности. Но это могла быть и просто зависть со стороны достойнейшего – порок, которому подвержены и простые смертные, и ученые мужи.

Князь Тимерийский рассыпался в комплиментах по поводу наряда ее величества и прекрасного ожерелья, украшающего прекраснейшую из шеек. Королева Асольда была столь любезна, что позволила князю осмотреть огромный черный камень, венчающий всю композицию и лежащий уже даже не на шее, а значительно ниже. Камень отлично был виден и с пяти шагов, в этом магистр готов был поклясться, но молодого человека, видимо, в этот момент разбил приступ близорукости.

И вновь недовольно закаркали старые вороны, когда королева разволновалась невесть отчего и камень буквально ходуном заходил на ее пышной груди, мешая князю сосредоточиться в своей любознательности. Видимо, труды утомили князя, на лбу его выступили мелкие бисеринки пота, а лицо внезапно побледнело.

– Это бывает,– объяснил он дамам, слегка отдышавшись.– Последствия межзвездного перехода.

Королева Асольда вызвалась было вытереть пот с чела Героя, но появление на горизонте короля Птаха XXI помешало ей оказать посильную помощь ближнему. Тем не менее она благосклонно простилась с будущим зятем и ушла в замок, сопровождаемая щебетом встревоженных птичек и злобным карканьем старых ворон.

Князь Тимерийский, утомленный, видимо, оказанным ему приемом, присел у куста роз унимать сердцебиение, а достойнейший Пигал поспешил навстречу королю Птаху, рассыпая на ходу слова восхищения в адрес его прекрасной жены Асольды, добродетельнейшей из добродетельных, прекраснейшей из прекрасных.

– Увы, увy,– остановил разбежавшегося магистра король Арлиндии.– Добродетель вещь хрупкая.

– Что ценно, то и бьется,– охотно согласился достойнейший Пигал.

– Значит, я могу рассчитывать на твою поддержку, ученейший магистр?

Король Птах взял под руку польщенного сиридца и отвел подальше от розового куста, подле которого скучал Андрей Тимерийский, не удостоенный высочайшей откровенности. В общем, это было понятно, поскольку речь шла именно о нем. Достойнейший Пигал настаивал на природной скромности молодого человека, тогда как его величество в ней сомневался. В результате довольно бурных дебатов собеседники пришли к соглашению, что князь Тимерийский покинет замок завтра поутру, а всю эту ночь Пигал вместе с королем Птахом отстоят на страже у дверей Асольды Мессонской. Свое упрямство магистр обосновывал тем, что ему сегодня ночью обязательно нужно провести магический сеанс, дабы выяснить точное местонахождение Елены Арлиндской. Его величество настоятельно советовал сиридцу сходить сейчас же в порт и нанять судно, чтобы не терять завтра время. Этот совет арлиндского монарха был принят достойнейшим Пигалом с благодарностью.

Князь Тимерийский на предложение магистра прогуляться в арлиндский порт откликнулся охотно, однако хорошего собеседника из него не получилось. Андрей был молчалив, задумчив и чем-то явно озабочен. Настолько, что не моргнув глазом прошел мимо таверны, в которую приглашал его магистр, чтобы промочить горло. Сиридцу пришлось окликать его

дважды. Вот еще новости: уж не влюбился ли человек молодой в юную кривляку Асольду Мессонскую? В планы достойнейшего из мудрых это никак не входило. Нет, король Птах прав: увозить надо князя отсюда, и как можно скорее.

Вино в таверне было неплохим, однако его достоинства сильно преувеличивались хозяином, а цена и вовсе оказалась неприличной. Пока магистр объяснял неразумному кабатчику несурзность предъявляемых им претензий, Андрей Тимерийский равнодушно скользил глазами по залитым вином и пивом столам и прокопченным стенам, которые если и были когда-то белены, то, вероятно, очень давно, так давно, что и сами об этом забыли. В подобной дыре князю бывать еще не доводилось. От не слишком опрятных посетителей пахло потом, вином и почему-то рыбой.

— Мы находимся в арпинском порту, на берегу Великого Ливийского океана, — напомнил ему Пигал, завершивший наконец дискуссию с хозяином. — А эти пахнущие рыбой люди помогут нам проникнуть в его тайны. Я уже договорился с хозяином, он сведет нас со шкипером вполне приличной шхуны.

— И куда мы поплывем? — выказал некоторый интерес к вопросу, волнующему Пигала, князь Тимерийский.

Честно говоря, магистр и сам пока что точно не мог ответить на этот вопрос. Сведения, собранные им за два дня, давали довольно ясную картину происшедшего, но, к сожалению, ни на йоту не приблизили способнейшего дознавателя Светлого круга к раскрытию страшной тайны. Сиринцу оставалось только уповать на свое искусство магистра Белой магии да на благосклонное расположение звезд. По косвенным уликам мессонский корвет пропал где-то в районе Асейских островов, и если с помощью Белой магии не удастся вычислить более точно местонахождение Елены Арлиндской, то поиски придется вести почти вслепую именно там.

— Гиблое место, — поведал Пигалу человек в просоленной морской водой брезентовой куртке и с красным, как Рамос на закате, лицом. — Не каждый шкипер согласится доставить вас туда. Разве что за очень большие деньги.

— Ты себя имеешь в виду? — холодно полюбопытствовал князь Тимерийский.

— Летучий Зен, — вежливо представился незнакомец. — Летучий — это прозвище, Зен — имя. Моя шхуна «Жемчужина Арлиндии» к вашим услугам, благородные господа.

— За золотом дело не станет, — обнадежил нового знакомого Пигал. — Король Птах взял на себя все расходы.

— Я не потребую с вас чрезмерной платы, поскольку являюсь горячим сторонником Елены Арлиндской и короля Птаха.

— А что, в Арпине у короля есть и противники? — удивился Андрей.

— Если благородный господин изволит повернуться к выходу, то сможет полюбоваться на них собственными глазами.

Сиятельный Тимерийский внял совету и, похоже, сделал это вовремя. Человек десять весьма решительно настроенных, вооруженных мечами и кинжалами оборванцев двинулась к его столу без приглашения. Впрочем, под рваной одеждой на них были кольчуги. Летучий Зен воспользовался паузой и скользнул под стол. Там же вскоре оказался и магистр, но не по своей воле, а сбитый с ног могучим ударом. Так, во всяком случае, он утверждал потом, и поскольку никто из очевидцев его слов не оспаривал, то, скорее всего, так оно и было. Князю Тимерийскому места под столом уже не нашлось, и волей-неволей ему пришлось выдерживать натиск нападающих в одиночку. К удивлению Летучего Зена, чужак даже не потрудился обнажить меч, зато удары его холеных рук оказались просто сокрушительными для нападавших. Не говоря уже об ударах ног, ибо чужак умело дрался и ногами, расквасив шутя пару излишне назойливых морд. У предводителя нападающих князь сначала выбил меч, а потом очень изящно снял и голову. Словом, это был очень и очень способный по части мордобии-

тия молодой человек. Буквально через пять минут оборванцы отхлынули, унося раненых. Троиш, похоже, уже никогда не суждено было подняться. Летучий Зен быстро обшарил их карманы не без пользы для собственного кошелька.

– Люди Гига Сигирийского,– сказал он князю, поднимаясь с пола.– За вами, видимо, следят.

– Мерзавцы,– простонал достойнейший Пигал.– Я был буквально сбит с ног.

– Бывает,– посочувствовал ему Тимерийский, допивая вино.

– Какая наглость! – не мог скрыть своего возмущения магистр.– Этот Гиг Сигирийский просто негодяй.

– И к тому же закрыл для нас, арлиндцев, мессонские порты,– поддержал его Летучий Зен.

– Я его в порошок сотру,– пообещал достойнейший Пигал.

В ответ на это заявление Летучий Зен дипломатично промолчал, создалось впечатление, что не поверил. Впрочем, Пигал Сирийский счел ниже своего достоинства разубеждать арлиндского шкипера. Задача этого простого моряка – доставить магистра к Асейским островам, а уж там он покажет кое-кому, где на Либии раки зимуют. Летучий Зен посмотрел на сирийца с уважением, поскольку не только не знал, где зимуют на Либии эти странные создания, но даже не мог этих раков представить, поскольку в Великом океане водились только крабы.

После этого выяснилась еще одна очень интересная деталь. Оказалось, что под небольшой платой Летучий Зен и достойнейший Пигал понимают совершенно разные суммы. Настолько разные, что довольно туго приходят к соглашению.

– Небольшая – не значит смешная,– стоял на своем шкипер.

Достойнейший Пигал воззвал к его патриотизму, но не нашел понимания. Летучий Зен стал нести ахинею про Гига Сигирийского, про замок Крокет, где обитают колдуны, способные на расстоянии в тысячу миль превратить отважного моряка в сухопутную крысу, и прочий вздор.

– Все это сказки, уважаемый,– снисходительно заметил Пигал.– Превращение человека в крысу процесс длительный и трудоемкий, никому еще не удавалось провести его на расстоянии в тысячу миль, можете поверить ученому, съевшему собаку на магии и чародействе.

Обе договаривающиеся стороны постоянно зывали к князю Тимерийскому и хозяину таверны, который усердно занимался ликвидацией последствий инцидента, произошедшего несколькими минутами ранее. Князь встал на сторону Пигала Сирийского, хозяин – на сторону Летучего Зена, да еще и присовокупил к этим совершенно бессовестным требованиям свой счет за чудовищные, по его словам, разрушения, произведенные неаккуратными посетителями. Тимерийский пообещал довершить начатое, если хозяин не умерит наглые притязания, и посоветовал арлиндцам вести себя скромнее. Совет был с благодарностью принят, требования снижены, и казна короля Птаха пострадала значительно меньше, чем можно было предположить по началу торга.

– Я думаю, король Птах останется мною доволен,– самонадеянно заметил Пигал, но ошибся в своем оптимистическом прогнозе.

Благородный король Арлиндии назвал своих подданных прохвостами, а достойнейшего магистра малосведущим в торговых делах человеком, что отчасти было верно, однако больно ударило по самолюбию гордого сирийца, считавшего себя непревзойденным знатоком человеческих душ.

– За такие деньги можно дважды обогнуть Либия по экватору,– вздохнул король Птах.– Но не огорчайся, Пигал, я с этого Летучего Зена при случае три шкуры сдеру.

Достойнейший из мудрых охотно согласился с его величеством, что просоленный него-
дьяй вполне заслуживает такое к себе отношение, после чего инцидент посчитали исчерпан-
ным.

Король Птах настаивал, чтобы сеанс Белой магии проходил в его присутствии и непре-
менно в покоях королевы Асольды, чуть ли не в ее спальне. Достойнейший Пигал не воз-
ражал против участия своего августейшего и ученейшего друга, однако присутствие рядом
спящей женщины могло серьезно повредить чистоте эксперимента. Сошлись на прихожей ее
величества, отделенной от спальни перегородкой. Князь Тимерийский от участия в ученом
опыте отказался, сославшись на усталость и недостаток образования. После чего удалился
к себе, сопровождаемый недовольными вздохами арлиндского государя.

– Мне было бы спокойнее, если бы молодой человек все время находился у меня перед
глазами.

Пигал поспешил развеять сомнения его величества, заверив, что мимо сирийского
магистра не только Герой, но и невидимая мышь не проскользнет.

– Я кое-что слышал об этом фокусе паррийцев,– забеспокоился муж несравненной
Асольды, который, впрочем, был ей не совсем муж.

– Герой с Парры может, конечно, поставить барьер невидимости,– снисходительно
пояснил обеспокоенному политику Пигал.– Но подобные мелкие магические фокусы не спо-
собны обмануть знатока Белой магии, которым является ваш покорный слуга.

– Будем надеяться,– вздохнул король Птах.

Достойнейший Пигал с интересом принялся изучать в подзорную трубу либийское
звездное небо. Его величество, решивший поначалу составить магистру компанию, очень
быстро к этому занятию охладел, вспомнив о более насущных заботах. Дверь в спальню
Асольды Мессонской была плотно закрыта, но, судя по шуму, доносившемуся из-за стены,
королева еще не уgomонилась.

– Звезды нам благоприятствуют,– сообщил магистр королю.

Его величество обрадовался и за себя, и за магистра, и за несчастную пропавшую дочь,
но при этом не спускал глаз с дверей, ведущих в спальню жены. Пигал упрекнул ученейшего
друга в излишней подозрительности. По его мнению, Асольда Мессонская была безупреч-
ной во всех отношениях девицей, бескорыстно преданной своему мужу. Птах XXI только
рукой махнул в сторону любезного сирийца.

Достойнейший магистр времени, однако, зря не терял, и очень скоро перед ошелом-
ленным королем закурили дымом прозрачные колбы со странными зеленоватыми и красно-
ватыми смесями. Впрочем, запах, исходивший от них, был достаточно приятен и, по увере-
ниям достойнейшего из мудрых, абсолютно безвреден. Но на всякий случай его величество
отодвинулся подальше в угол и уже оттуда наблюдал за возникающими из дыма сложными
фигурами. Одна из этих фигур была настолько реальной, что король Птах не удержался от
крика. Кричал он напрасно, поскольку тут же выяснилось, что фигура принадлежит совер-
шенно реальной служанке, рослой и мрачной особе, которую хозяйка отправила в столь
поздний час за арлиндским вином. Ее величеству очень захотелось пить. Достойнейший
Пигал скрипнул зубами и бросил в спину удалявшейся дылды недобрый взгляд, однако, как
истинный ученый, эксперимента не прервал.

Дыма становилось все больше, но никаких особенных чудес король Птах пока что не
увидел, если не считать возвращения все той же служанки с кувшином вина. Пигал был
страшно огорчен чинимыми помехами, но держался с достоинством истинного магистра.
Ну разве что бросил в широкую спину закутанной в длинный мессонский плед дуре:

– Старая корова.

Похоже было, что сеанс Белой магии катится к неудачному финалу. Во всяком случае,
его величество откровенно заскучал. Как вдруг явственно, и это слышали оба, послышалось

дыхание женщины. Учащенное дыхание. Достойнейший Пигал, ликуя, поднял вверх указательный палец, призывая августейшего друга к спокойствию. К чести короля Птаха, он хоть и был слегка встревожен, но в панику не ударился, а сидел в своем углу тихо, как мышь.

– Мне кажется, что рядом с ней есть еще кто-то, – свистящим шепотом поведал Пигал.

– Похоже на то, – так же шепотом согласился король Птах.

Пигал вновь предостерегающе поднял руку, напряженно вглядываясь в клубы витающего над головой дыма. Фигуру женщины он видел четко, его величество разглядел там же фигуру мужчины, очень похожего на Гига Сигирийского, который тоже дышал. А потом и вовсе раздался стон.

– Молит о помощи, – страшным шепотом сообщил Пигал потрясенному королю.

– Ее пытаются? – ахнул король Птах.

– Не думаю, – тоном знатока объяснил сиринец. – Фантомы не разговаривают и могут общаться с внешним миром только с помощью вздохов и стонов. Стон на языке фантомов – призыв о помощи, частые стоны – дело совсем дрянь. Одно несомненно: ваша дочь, прекраснейшая из прекрасных принцесса Елена жива, и я абсолютно теперь уверен в ее скором освобождении из плена.

Достойнейший Пигал принялся определять место, откуда доносились стоны. Сделать это оказалось проще простого: король Птах называл вслух все известные ему материки и острова Либии, а достойнейший Пигал напряженно вслушивался в сигналы фантома. Стоило только его величеству назвать Асейские острова, как стоны усилились, а уж когда было произнесено название острова Дракона, раздался громкий крик, который достойнейшие ученые и зафиксировали к обоюдному удовольствию.

Как человек добросовестный, сирийский магистр не остановился на достигнутом. В клубах дыма он разглядел очертания замка, который король Птах почему-то посчитал горой. Вспыхнувшая тут же довольно продолжительная дискуссия разрешилась все тем же фантомом, в очередной раз изошедшим на стон.

– Должен вам сказать, ваше величество, – поделился с королем своими наблюдениями магистр, – такая активность фантомов случается очень редко. Обычно они выходят на связь один раз, ну два от силы.

Король Птах согласился с ученым сирицем – фантомы проявляли завидную активность, и связано это было, скорее всего, с либийской атмосферой, а возможно, и с удачным расположением светил. Его величество насчитал не менее шести вспышек активности фантомов, тогда как достойнейший Пигал настаивал на пяти.

Ученейшие мужи были настолько потрясены и утомлены увиденным и пережитым, что смогли лишь негодующими взглядами проводить все ту же неутомонную служанку, которая в очередной раз отправилась за вином. Пигал вскользь посетовал на невоздержанность молодых людей в потреблении горячительных напитков и встретил понимание у короля Птаха.

– Остров Дракона, – задумчиво произнес августейший. – Это, кажется, тот самый остров, где шестиглавый Сюзи устроил себе логово триста лет тому назад.

– Не может быть! – ахнул магистр. – Но ведь, если не ошибаюсь, он в некотором роде был убит королем Птахом XVII, вашим доблестным предком.

– С научной точки зрения это безусловно так. – Король Арлиндии со значением посмотрел на собеседника. – Но есть, дорогой друг, и фактическая сторона дела.

Достойнейший Пигал высказался в том смысле, что, если даже шестиглавый Сюзи уцелел, в фактическом, разумеется, плане, но отнюдь не в научном, то, наверное, он убрался с Либии, и довольно давно, иначе этот негодяй напомнил бы о себе за триста лет.

Король Птах признал довод ученойшего друга вполне убедительным и вновь пожаловался на коварство мессонской лисы – Гига Сигирийского, который у почтеннейшего арлиндского государя какой уже год сидел в печенке, да и не только у него одного.

В этот момент опять появилась служанка с полным кувшином вина и с пожеланием доброго утра благородным господам. Ученые мужи, взглянув в окно, с ней охотно согласились и даже выпили вина за пробуждение прекраснейшей из прекрасных – Асольды Мессонской. Достойнейший Пигал передал через служанку извинения ее величеству за то, что их с благородным королем Птахом ученые труды, возможно, помешали добродетельнейшей из добродетельных провести ночь в спокойствии. Однако служанка уверила магистра, что королева спала всю ночь как сурок, после чего стрельнула глазами в появившегося на пороге князя Тимерийского и скрылась в спальне госпожи.

– Наши с благородным королем Птахом труды увенчались полным успехом, – обрадовал Пигал князя.

– И куда мы отправляемся, если не секрет?

– На остров Дракона.

Князь Тимерийский в ответ только плечами пожал. Выглядел он, по мнению магистра, недостаточно бодрым, словно провел ночь не в постели, а на бранном поле. К сожалению, нынешняя молодежь сильно уступает отцам в выносливости. Взять хотя бы незабвенного друга Пигала Сирина князя Феликса, всегда, бывало, готового что в ночь, что за полночь и к серьезному делу, и к веселой пирушке. Да и сам магистр после бессонной, проведенной в трудах ночи свеж, как цветок, и готов сейчас же отправиться в путь.

Король Арлиндии как-то уж слишком буквально понял последние слова достойнейшего Пигала и поспешил пожелать ему и его молодому другу счастливого пути. Смотрел он при этом на двери спальни собственной жены. Магистр, надо отдать должное его природному такту и чутью, сумел понять терзания государственного мужа и не стал обижаться на августейшую рассеянность и, можно даже сказать, неблагодарность.

Шхуна «Жемчужина Арлиндии» не поражала глаз ни благородством осанки, ни богатством оснастки, но посудиною была, вероятно, вполне надежной. Несмотря ни на что, Летучий Зен и четыре его рослых матроса без страха вывели ее на просторы бескрайнего Либийского океана. Пигал Сирина не был любителем морских путешествий и охотно воспользовался бы иным, более цивилизованным способом передвижения, но, к сожалению, такого способа на Либии просто не существовало. Приходилось только сожалеть, что наука, в безграничные способности которой магистр верил свято, не сумела пока достойно ответить на брошенный ей вызов. И если межзвездные путешествия проходили без сучка и задоринки, то перемещения из точки в точку по поверхности планеты, как правило, оборачивались конфузом. Вы вполне могли угодить в место как раз противоположное тому, в которое собирались, что, естественно, создавало массу неудобств.

Вдоволь налюбовавшись на бескрайние океанские просторы, примечательные разве что серостью и неприкаянностью шмыгающих по этим просторам волн, достойнейший Пигал вернулся в каюту шкипера, выделенную пассажирам после небольшого скандала, устроенного князем Тимерийским уже на борту судна. Летучий Зен со вздохом унес отсюда в матросский кубрик свои вещички, и в его не слишком, правда, роскошной постели спал теперь сиятельный князь, откинувшись на спину и небрежно упершись ногами в хлипкую стену. Магистр только головой покачал при виде этого зрелища. Похоже, Андрей собирался проспать всю долгую дорогу до загадочных Асейских островов. Пигал, пожалуй, махнул бы на молодого человека рукой, если бы не одно, до глубины души поразившее его обстоятельство. На пальце князя траурно блистал черный камень, уже виденный магистром, но виденный совсем в другом месте, а уж если быть совсем точным и не совсем скромным, то на груди несравненной Асольды Мессонской. Естественно, сам собой возник вопрос: как этот камень попал к Тимерийскому? Пигал готов был поклясться, что встреча во дворе королевского замка, свидетелем которой он был, единственная за трое суток пребывания князя

в Арлиндии. Так как же все-таки сиятельный объяснит сей странный феномен? Разбуженный магистром Тимерийский вяло похлопал длинными ресницами, зевнул, пожелал достойнейшему из мудрых спокойной ночи, повернулся на другой бок и заснул крепчайшим сном, оставив своего друга в большом недоумении.

Достойнейший Пигал провел бессонную ночь, пытаясь разрешить эту трудную загадку. И еще один вопрос его беспокоил: почему кентавр Семерлинг столь поспешно покинул Либию? Дела делами, но ведь, собираясь на эту прекрасную планету, он о них даже не упомянул. Наоборот, намеревался принять активное участие в поисках девушки. Но потом почему-то изменил свое решение, не сумев или не захотев объяснить причины отъезда старому и надежному другу. Конечно, у члена Высшего Совета Светлого круга могут быть тайны, о которых достойнейшему магистру знать не полагается, но почему просвещеннейший Семерлинг так побледнел, увидев Асольду Мессонскую? А может быть, и не Асольду вовсе, а как раз этот черный камень, который, чего греха таить, и у Пигала вызывает неприятное чувство беспокойства. Напугать кентавра Семерлинга непросто. И тем не менее он испугался. А Андрей Тимерийский не удивился, узнав, что Семерлинг их покинул, и, уж совершенно точно, не огорчился. Зато и его внимание привлек черный камень: князь побледнел, и капли пота выступили у него на лице. Судя по всему, отнюдь не прелести Асольды Мессонской его тогда взволновали, как по наивности думал магистр. Вопросы, которые ставил перед собой Пигал, были слишком трудны, чтобы одной ночи хватило для их разрешения, и поэтому даже наступившее утро не принесло желанного облегчения.

Магистр с трудом поднялся на палубу, стараясь как можно тверже ставить ступни на отсыревшие и постоянно выскальзывающие из-под ног доски. Непогода грозила разгуляться не на шутку, но ветер пока что был попутным, и «Жемчужина Арлиндии» буквально летела, едва касаясь волн своим скрипучим старым корпусом, во всеоружии всех своих белоснежных парусов.

– Если не угодим в шторм или штиль, то через неделю достигнем Асейских островов, век бы их не видеть. – Летучий Зен переступил с ноги на ногу, словно собирался что-то спросить у магистра, но так и не решился.

Увидев же поднимающегося на палубу молодого князя, Летучий Зен и вовсе смутился и поспешил убраться в трюм. Андрей Тимерийский был в это серое утро угрюм и неприветлив. То ли качка на него негативно действовала, то ли тайные заботы угнетали его дух. Однако расспрашивать князя о его мыслях было делом совершенно безнадежным. К немалому удивлению Пигала, Андрей ничем не напоминал своего отца, развеселого и разудалого князя Феликса, все мысли которого были на лице и на языке. С трудом верилось, что этого замечательного человека нет в живых вот уже почти двадцать лет. А развалины пограничного замка на Альдеборане, наверное, уже давно заросли травой, такой же красноватой, как кровь, залившая камни в тот страшный день. Пигал был там через несколько дней после трагедии, и картина, которую он увидел, глубоко запала в его душу. До сих пор непонятно, как жабовидным пщакам удалось проникнуть в замок сквозь мощную, годами проверенную защиту. И тем не менее они это сделали. Все защитники замка погибли, а потом пщакі разрушили все поселения планеты. Погибло десять тысяч человек, надолго потеряна планета, освоение которой началось столь успешно. Пщакі с Альдеборана тоже ушли. Ушли сразу же, как только сделали свое черное дело, что, в общем-то, не очень на них похоже, обычно они вгрызаются в захваченные территории зубами, и выбить их бывает очень непросто. Андрей Тимерийский был единственным уцелевшим в той страшной резне. С тех самых пор его воспитывает кентавр Семерлинг, в одночасье превратившийся из межзвездного бродяги в заботливую няньку. Но, кажется, молодой человек не испытывает к своему воспитателю теплых чувств, во всяком случае, умело их скрывает.

– По-моему, я уже где-то видел этот камень, – осторожно начал Пигал свои расспросы.

- Мне его прислала Асольда Мессонская. По ее утверждению, он приносит счастье.
- Разве вы встречались перед разлукой? – изумился Пигал.
- Камень принесла служанка. А почему он тебя так заинтересовал, достойнейший магистр?

Застигнутый врасплох сиринец только плечами пожал, сославшись на необычный цвет камня и непривычную форму. Судя по всему, Тимерийский не был сегодня расположен к откровенному разговору, и Пигал вынужден был оставить надежду выяснить у скрытного молодого человека хоть что-то, дающее возможность прикоснуться к столь заинтересовавшей магистра загадке.

Дальнейшее плавание протекало довольно скучно: магистр размышлял, князь по преимуществу спал или от скуки поругивал Летучего Зена и матросов. Которые, к слову сказать, свое дело знали, но пассажиру не перечили, а хитроумный шкипер и вовсе, по мнению Пигала, позорно пресмыкался перед ним. Ну а когда сиринец попенял Летучему Зену на раболепие, то услышал в ответ поразившую его до глубины души фразу:

- Кому же захочется превращаться в крысу.

На все попытки ученейшего магистра выяснить, с чего это арлиндцу пришла в голову столь глупая мысль, тот только отнекивался, а потом, понизив голос до едва различимого шепота, сказал:

- Черный камень из замка Крокет на руке что-нибудь да значит.
- Какой еще «замок Крокет»? – несказанно поразился сиринец.
- А тот самый, в котором триста лет тому назад свихнулся барон Силис Садерлендский.

С тех пор там поселилась нечистая сила.

- А почему ты решил, что камень именно оттуда?
- Так говорят. – Летучий Зен вильнул глазами к горизонту и, несмотря на все усилия

Пигала, так больше ничего и не сказал.

Странное суеверие арлиндского моряка в другой обстановке позабавило бы магистра, но сейчас ему было не до смеха. Похоже, всем и все было известно о черном камне, и только Пигал Сиринский пребывал в неведении.

На восьмой день утомительно скучного пути Пигал был разбужен громким криком вахтенного матроса:

- Паруса на горизонте.

Андрей Тимерийский птицей взлетел на палубу. Магистр поспешил за ним следом, проклиная возраст и короткие ноги, ограничивающие его прыть. Летучий Зен опасался пиратов, хотя в этих проклятых водах, вблизи Асейских островов, даже нимейские пираты появлялись крайне редко. К тому же корвет шел странным рыскающим курсом, словно его капитан никак не мог поймать ветер в паруса. Что, в общем-то, было неудивительно, ибо эти самые паруса оказались разодраны в клочья.

– «Великодушный», – прочел надпись на борту корабля обладавший острым зрением князь Тимерийский.

Матросы испуганно переглянулись. Летучий Зен почесал затылок и тяжело вздохнул:

- Именно на этом корабле принцесса Елена Арлиндская отправилась в Мессонию.
- Надо бы его осмотреть, – небрежно заметил князь, с хрустом разгрызая столетний сухарь.

Ни Летучий Зен, ни его матросы не выразили желания поближе познакомиться с проклятым, по их убеждению, кораблем. Пришлось достойнейшему Пигалу тряхнуть стариной, тем более что его буквально распирало любопытство.

Если на корвете и был бой, то внезапный и скоротечный – никаких следов разрушения, если не считать порванных в лохмотья парусов, исследователи не обнаружили. Ни разложившихся трупов, ни обглоданных морскими птицами костей – команда словно испарилась

с палубы корабля. Все жилые помещения тоже были пусты. Разве что портрет голубоглазой блондинки в одной из самых роскошных кают мог порадовать глаз молодого человека. Несколько долгих минут князь рассматривал портрет незнакомки.

– Шея слишком длинная, – сообщил он результат своих наблюдений магистру. Галантный сиринец стоял на том, что длинная шея – это ошибка художника, а не природы.

– Будем надеяться, что червонная дама в жизни лучше, чем на портрете, – согласился с ним князь.

Молодой человек ко всем прочим своим недостаткам был еще, оказывается, и картежником. Достойнейшему из мудрых не оставалось ничего другого, как только головой покачать.

От последней каюты Пигал не ждал никаких чудес, но ошибся. Еще до того как Андрей Тимерийский отдернул завесу, магистр почувствовал беспокойство, а потом просто остолбенел от удивления и страха. Нечто разложившееся и явно чуждое как Либии, так и Светлому кругу лежало сейчас перед ним, сжимая когтистой лапой энергетический меч.

– Кузнечик, – севшим от ненависти голосом сказал Андрей Тимерийский, и страшная гримаса исказила его лицо.

Пигал не рискнул задать ему вопрос сразу, а когда спросил, то получил маловразумительный и уклончивый ответ. И все-таки магистр был почти уверен, что князь узнал чужака. Вопрос был только в том, где он мог видеть подобное создание раньше? Но ответ напрашивался сам собой – на Альдеборане. Да, Андрею Тимерийскому тогда было около года, но не исключено, что потрясенное младенческое сознание сохранило воспоминание о тех событиях.

– Команда в трюме. – Тимерийский вылез на палубу мрачнее тучи. – Женщины среди них нет.

Пигал намеревался было сам спуститься туда, но его остановил запах и подступившая к горлу тошнота. Да и какой смысл копаться в трупах, когда и так все ясно. Елену Арлиндскую похитили, и искать ее нужно на Асейских островах, а еще точнее, на острове Дракона. Корвет, найденный в том самом месте, где он и должен был находиться, еще больше утвердил магистра в мысли, что избранный им маршрут поиска верен. Белая магия, которую отдельные неучи считают шарлатанством, еще раз доказала свою строгую научную основу.

– А почему остров Дракона? – удивился Андрей Тимерийский.

Достойнейший Пигал снисходительно пояснил молодому человеку, что, в отличие от некоторых скептически настроенных субъектов, он провел последнюю ночь в королевском замке, обремененный трудами праведными и бесполезными. А что касается острова, то на нем в свое время жил дракон Сюзи, поэтому он и носит такое название.

– Почему он все-таки покинул Ливию? – задумчиво проговорил князь, легко прыгая с борта корвета на палубу шхуны.

– Кто «он»? – Свой вопрос Пигал задал после довольно продолжительной паузы, вызванной страхом перед высотой и сбитым дыханием после благополучного приземления в объятия Тимерийского и подоспевших матросов.

– Дракон Сюзи. С какой стати он вдруг решил сменить место жительства?

Вопрос был законный, хотя и не имеющий отношения к делу, которым они сейчас занимались.

– Сюзи уверял, что на Либии плохо с питанием, но, похоже, врал, как всегда, мерзавец.

Летучий Зен торопился, долгое пребывание у острова Дракона не входило, видимо, в его планы. Он даже не рискнул войти в очень удобную для стоянки судна бухту, а предпочел доставить пассажиров до берега на корабельной шлюпке. Князь Тимерийский взял с него клятву вернуться к острову через неделю и забрать путешественников.

– Думаешь, недели нам хватит? – усомнился Пигал.

– Не хватит, так подождет. И смотри у меня, крысиная морда!

Остров Дракона ничем на первый взгляд не подтверждал закрепившуюся за ним славу проклятого места, скорее уж наоборот: зеленые веселые лужайки радовали глаз, а вдали довольно бодро шумел лиственный лес.

– И что дальше? – спросил Андрей у загрустившего спутника. – По-моему, остров как остров, и к тому же безлюдный.

Они бродили по острову уже несколько дней, питаясь рыбой, которую князь Тимерийский голыми руками ловил в горной речушке, но ничего более интересного, чем птичьи гнезда, так и не обнаружили. По вечерам князь иронически хмыкал, поплеывая время от времени в костер, а достойнейший Пигал медитировал, пытаясь из последних сил спасти профессиональную репутацию. Ничего не получалось у мудрого сиридца, абсолютно ничего. Конечно, ему не хватало магических средств, которыми он так умело пользовался в своей лаборатории на родном Сирине, не было даже лейского порошка, опрометчиво оставленного в замке короля Птаха. Он ведь был уверен в успехе! Самый громкий стон раздался именно при упоминании острова Дракона. Допустим, достойнейший Пигал мог ошибиться, но рядом сидел король Птах, который тоже все слышал своими ушами.

Князь Тимерийский в тихом изумлении слушал объяснения магистра, а потом принялся хохотать как безумный. Пигал решил, что молодой человек тронулся умом. А чем еще можно было объяснить беспричинный идиотский смех? Однако Андрей если и сошел с ума, то ненадолго. Через несколько минут он успокоился, правда, объяснять причину своего странного смеха отказался, сославшись на нервное перенапряжение. Но, видимо, нервный припадок у князя на этом не закончился, потому что он вдруг поднял вверх руку и произнес свистящим шепотом:

– Слышишь?!

Честно говоря, достойнейший Пигал сначала не услышал ничего и уже подумывал о том, где бы найти успокоительное для сбрендившего юного друга, но потом в какую-то минуту ему почудился то ли стон, то ли песня. Что-то безусловно доносилось откуда-то сбоку или сверху.

– Это стонут души людей, замученных драконом Сюзи.

– С чего ты взял, человек молодой?! – возмутился Пигал.

– Матросы рассказывали, – спокойно отозвался князь. – Именно на этот остров он таскал свою добычу.

Достойнейший Пигал лишь снисходительно махнул рукой:

– Я знаю дракона Сюзи. Сволочь он, конечно, изрядная и, случись оказия, не побрезгует и человечинкой, но свежая баранина, не говоря уже о говядине, ему больше по душе.

– И тем не менее дракон властвовал на протяжении двухсот лет на Либии.

– Сказки все это, – раздраженно отмахнулся Пигал. – Просто у вас, Героев, зуб на драконов, вот вы и рисуете их демонами. Сюзи слишком глуп, чтобы подчинить себе планету. Его устремления не идут дальше ублажения собственного желудка, хотя, конечно, по этой части он иной раз демонстрирует редкостную изобретательность.

– Следы его гастрономических забав мы уже видели на острове.

– Замечу, человек молодой, что в основном это кости животных.

– То-то и оно, что в основном, – усмехнулся князь.

– Так или иначе, но дракон убрался с Либии триста лет тому назад. Я знаю это совершенно точно, поскольку слышал из уст самого шестиглавого Сюзи.

– И чем он объяснял сей опрометчивый поступок? Здесь на Либии он был сыт, пьян и нос в табаке.

Пигал призадумался. Сюзи был болтлив, то, что собиралась скрыть одна его голова, непременно выбалтывала другая. К тому же в последние столетия он страшно запил. А что у трезвого на уме, то у пьяного на языке. Дракон Сюзи был ярчайшей иллюстрацией этой древней истины. Тем более что языков у него было целых шесть, и без работы они не оставались ни на минуту. О Либии он рассказывал частенько, особенно о том, как страдал желудком, съев по нечаянности Птаха XVII, тогдашнего короля Арлиндии, вместе с доспехами. Конечно, властвовать на Либии он не мог в силу застарелой умственной отсталости. Сюзи был самым обыкновенным наемником: мессонцы нанимали его против арлиндцев, арлиндцы против земейцев, гитондцы против верейцев – словом, обычная история. И он честно служил всем подряд, не брезгуя в уплату человечины, но уже тогда предпочитал баранине птицу. И все-таки Сюзи убрался с благословенной Либии, хотя при всей своей феноменальной болтливости так ни разу и не назвал истинной причины своего бегства. При чем убрался он довольно далеко, на не слишком богатую планету Вилан, и там затаился.

Так или иначе, но с острова нужно уходить: не сидеть же здесь, в самом деле, неделю в ожидании Летучего Зена. А история с драконом Сюзи дает необходимый к тому предлог и спасает тем самым слегка подмоченную репутацию магистра. Сюзи необходимо допросить. Шестиглавый негодяй наверняка рад будет видеть старого друга.

Достойнейший Пигал долго шевелил губами, вычисляя путь от Либии до Вилана, и в расчетах не ошибся: объявились звездные путешественники на лесистой планете буквально в трех шагах от пещеры шестиглавого Сюзи. Однако надежды магистра на теплую встречу не оправдались. Сюзи в это утро был сильно не в духе, и это еще мягко сказано.

– Паразиты!– Этими словами он встретил своего доброго знакомого.– Негодяи, ублюдки, черви вилонские.

Третья и четвертая голова вместе с проклятиями изрыгали и пламя, отчего в просторной пещере, служившей дракону логовом, стало довольно жарко. Первая и вторая голова скалили в угрожающей ухмылке клыки, пятая грустила, а шестая просто маялась с похмелья. Собственно с похмелья страдали все головы, но шестая особенно сильно, поскольку вчера ей больше всех перепало.

– Всех сожру!– кричали третья и четвертая голова.

– А желудок?– спохватилась первая голова.

– Сжечь всю планету к чертовой матери,– мстительно посоветовала голова вторая.– Чтобы знали, кто на планете хозяин.

– Только не это! – захрипела в ужасе шестая голова.– Паленым потом будет вонять целую вечность. И перестаньте огнем плевать, и без того духота невыносимая.

– Действительно,– подтвердил сиринец,– жарковато у тебя, Сюзи.

– Кого я вижу! – обрадовалась первая голова.– Пигал, дружище.

– Только этого старого гнома нам и не хватало,– продолжала грустить на всю Вселенную голова пятая.

– Заткнись,– дуэтом посоветовали ей третья и четвертая голова.

– Из-за чего сыр-бор? – поинтересовался Пигал.

– Заводишко спиртовой встал,– удрученно вздохнул стоявший рядом круглолицый упитанный виланец.– Ну и Оне, естественно, сердятся.

– Проспали, мерзавцы! – пыхнула огнем третья голова.– Все змеевики поплавились!

– Так сладили уже, вашество,– зачастил круглолицый виланец.– Сей секунд все будет в лучшем виде. Зачем же зазря огнем-то себя распалить, здоровьишко-то не железное, отец родной.

К удивлению князя Тимерийского, виланец хоть и лебезил перед драконом, но не слишком его боялся, и в красноватых то ли от жары, то ли с похмелья хитреньких глазках круглолицего вспыхивали время от времени веселые искорки.

– Сам-то небось уже принял с утра, морда,– обиделась на виланца шестая голова.– А тут хоть пропадай.

– Так, вашество,– захохотал круглолицый,– мне же, как голубю,– клюнул, и все, а вам сколько надо.

– Видали голубя,– захохотала вторая голова.– Первый пьяница на Вилане.

– Сразу уж и первый,– обиделся на дракона круглолицый.– Все у вас пьяницы, один вы трезвенник. Если и выпьешь когда, так исключительно с устатку, за здоровье отца родного. За все мои труды и такая награда!

Виланец даже всхлипнул. Дракон Сюзи задумчиво громыхал хвостом, поднимая пыль в дальнем конце пещеры. От грохота у Андрея заложило уши, а от поднятой пыли запершило в горле.

– Герой в пещере,– забеспокоилась пятая голова.– Не ожидал я от тебя, Пигал, такой подянки.

Хвост загромыхал еще громче, защелкали костяшки огромного гребешка на спине, дракон Сюзи, похоже, струхнул не на шутку, во всяком случае, передние лапы его напряглись, и огромное тело на минуту приподнялось с каменного пола пещеры. Князь Тимерийский только головой качал, приглядываясь к поднявшейся ему навстречу махине, и на всякий случай поудобнее перехватил меч.

– Мы с миром,– поспешил успокоить дракона Пигал.– Зашли поговорить о том о сем.

– Ох, не верю я Героям,– вздохнула первая голова.– Беспокойное племя.

– Беспокойное! – возмутилась пятая.– Хулиганье отпетое! Жабовидные пщак и те попрличнее будут.

– Так уж и попрличнее,– возразил Пигал Сиринский.– Зачем же лишнее говорить.

– Ты посчитай, сколько они убили драконов,– посоветовала магистру пятая голова.– Жизни не хватит. А все почему?

– Почему? – удивленно спросила шестая голова, которая, по всей видимости, задремала и упустила нить разговора.

– А потому что им, видите ли, кто-то сказал, что кровь дракона делает их неуязвимыми.

– Суеверие,– подтвердил Пигал.

– Хорошо суеверие! – взвилась пятая голова.– Бьют нашего брата нещадно. А за что, скажите на милость? Нет во Вселенной существа более полезного и мирного, чем дракон. Сармон, подтверди.

Круглолицый виланец охотно выдвинулся вперед и загнул в припадке усердия:

– Так, вашество, души в вас не чаем, отец родной. Кабы не вы, пропали бы мы здесь, стоптали бы нас вороги.

В подтверждение своих слов виланец уронил две слезы. Уронил бы он, судя по всему, и больше, но тут у входа в пещеру поднялась суeta и появилась лошадь, влекущая за собой телегу, заставленную бочками. Сюзи зашмыгал всеми своими двенадцатью ноздрями. Характерный запах спирта заполнил всю округу. Расторопные виланцы откупорили бочки, которые на глазок вмещали не менее десятка ведер каждая.

– Удружил, Сармон,– благодарно дыхла на круглолицего шестая голова.

– Стараемся, вашество,– залезил виланец.– Ночей не спим, чтобы угодить отцу родному.

Настроение шестиглавого Сюзи стремительно улучшалось. Первая голова даже затянула весьма фривольную песенку о любви шестиглавого дракона к одноголовой принцессе.

– Такая вышла ерунда, трим-були-були-бундия,– захлебывалась от усердия шестая голова, когда остальные пять уже приготовились слушать достойнейшего Пигала. Пришлось пятой голове как следует боднуть ее по затылку. Шестая наконец умолкла и пригорюнилась.

– Это та самая Елена, из-за которой Герои Трою спалили? – полубопытствовала пятая голова.

– Потом они из этой групповухи целый миф раздули,– дополнила вторая голова.

– Так это вроде на Земле было,– засомневалась третья.

– Вот они, Герои,– задохнулась от возмущения первая голова.– Сколько они девок там перепортили, сколько народу положили, ужас!

– И заметь, Пигал,– снова подключилась к разговору пятая, самая ехидная голова,– убивают Герои не для того, чтобы утолить голод, а исключительно из тщеславия.

– Абсолютно безнравственная публика,– согласилась вторая голова.

– И этому, видишь, Елену подавай,– задохнулась от возмущения четвертая голова.– Ни стыда, ни совести!

– Ты лучше объясни, почему с Либии удрал? – прямо спросил Тимерийский, которому пьяная болтовня дракона уже изрядно надоела.

Все головы Сюзи замерли как по команде. Даже шестая, которая в очередной раз собиралась нырнуть в стоящий перед ней бочонок, застыла на полпути в испуге и недоумении.

– Какая такая Либия? – фальшиво удивилась вторая голова.

– Та самая Либия, где ты съел арлиндского короля вместе с доспехами,– напомнил рассеянному приятелю Пигал.

– Как же, как же,– припомнила первая голова.– Танкред Великолепный, упитанный был такой.

– Танкреда я, однако, на Земле съел,– поправила шестая голова, хватившая уже лишку.– А арлиндца Птахом звали, весь желудок мне испохабил, паразит, своим ржавым железом.

Пятая голова в очередной раз долбанула шестую, но на ту, похоже, накатило:

– Хорошая планета Либия, и кабы там жареным не запахло, век бы оттуда не улетал.

– О жареном поподробнее,– попросил Пигал Сирийский.

Дракон Сюзи заскучал, заворочался на пыльном ложе, попробовал даже лапой почесать затылок одной из голов, но с задачей не справился по причине сильного подпития. А потом и вовсе понес несусветную чушь всеми шестью языками. Но на достойнейшего магистра уловки дракона не действовали. Все так же настойчиво и целенаправленно он продолжал гнуть свою линию.

– Не знаю я ничего,– не выдержала наконец давления Пигала четвертая голова.– Меня предупредили, и я смылся.

– Дракона скромность украшает, трим-були-були-бундия,– пропела шестая голова к большому удовольствию пяти остальных, они прямо зашлись от хохота.

– А кто тебя предупредил? – не отставал магистр.

– В темном лесе, в темном лесе,– снова затянула шестая голова, но на этот раз ей допеть не дали.

– Есть тут одна старушенция,– наклонившись к самому лицу Пигала, дыхнула спиртом первая голова.– Ведьма.

– Да какая же Зеба ведьма? – возмутилась вторая голова.

– Много хуже,– подтвердила шестая голова, совсем пьяненькая.– Не уважает меня, понимаешь.

– Адресок дам,– сказала Пигалу первая голова,– но в случае чего на меня не ссылайся, моя хата с краю, ничего не знаю.

– Зря вы в это дело ввязались,– предостерегла третья голова.

– Герои! – захихикала пятая.– Не чета нам, драконам. Им, говорят, любая задача по плечу.

– И на Марсе будут яблони цвести,– обнадежила шестая голова.– Понимаешь.

Ясно было, что Сюзи больше ничего не скажет. Пьянел он прямо на глазах или все более искусно притворялся пьяным.

– Сволочь он, этот твой Сюзи, – заметил Андрей, выходя из пещеры.

– Боится, – пояснил Пигал. – Поэтому и нос с Вилана не кажет. Прикинулся полудохлой собачкой и лапки кверху: не трогай меня, я не опасный. Кто-то его здорово напугал.

– Зачем виланцы его поят и кормят? – возмутился Тимерийский. – Замуровали бы вход в пещеру, и делу конец.

– Человек молодой, – укоризненно глянул на князя Пигал, – это для вас, Героев, драконы враги, а для хитрых людишек вроде Сармона дракон Сюзи – отец родной. Раньше племя Сармона было самым слабым на Вилане, а прикормило дракона и стало самым сильным, со всех соседей дань собирает. А для Сюзи всего-то трудов – пару раз в год, по большим праздникам, выползти из пещеры да дыхнуть на виланцев спиртным. Сармон хитрая бестия, а потому и крутит дурачком и лентяем Сюзи как хочет.

– Подонок! – буркнул князь Тимерийский, и не совсем было понятно, к кому относятся эти слова – к дракону Сюзи или к его приятелю Сармону.

– Черт с ними, – задумчиво проговорил Пигал. – У нас с тобой, человек молодой, дела поважнее: надо повидать эту Зебу.

– На Либии?

– Нет, – покачал плешивой головой сиринец, – на Ибисе.

Князь Тимерийский в ответ только присвистнул. Что и говорить, планета Ибис имела весьма дурную славу. В Светлый круг она вошла одной из последних, да и то боком, поговаривали, что там процветают культы, напрямую связанные с Черной магией. И вообще, об ибсянках шла по планетам Светлого круга нехорошая слава. Именно об ибсянках, потому что об ибсянах никто не слышал ни хорошего, ни дурного. Планету Ибис даже Герои предпочитали обходить стороной. Официально – из нежелания связываться с бабами, а неофициально – страшновато было. Уж очень громкая слава была у местных колдуний. По слухам, ибсянки в последнее время что-то не поделили с кикиморами Селы и между ними шла грызня. Села тоже была еще той планетой. До сих пор никто точно не мог сказать – к Светлому кругу она относится или к Темному. Случалось, кикиморы помогали Героям, но частенько становились на сторону жабовидных пщакков, избравших Селу плацдармом, с которого они совершали налеты на соседние планеты. И вообще с приграничными планетами, по мнению достойнейшего Пигала, одна сплошная морока, и это был тот достаточно редкий случай, когда князь Тимерийский полностью согласился с магистром.

– А пьяница Сюзи ничего не напутал в расчетах?

Пигал только плечами пожал:

– Сюзи уже более тысячи лет болтается по Вселенной, а уж приграничные планеты он излазил от и до. Хвастался мне как-то, что у него и в Темном круге полно друзей.

– А ты его защищаешь, – укорил магистра князь.

– Да не защищаю я, – возмутился Пигал. – Просто без драконов Вселенная обеднеет. О Темном круге мы только от таких, как Сюзи, узнаем. Укорот драконам давать надо, но и палку перегибать не след.

И все-таки пьяница Сюзи подвел достойнейшего магистра. Хотя, возможно, это получилось совершенно не нарочно. Так или иначе, но у сиринца было достаточно времени для обдумывания обеих версий, пока он стоял привязанный к столбу на пару с сиятельным князем, а вокруг бесновалось несколько десятков самых натуральных ибсянских ведьм. Адресок, который им столь услужливо предоставил Сюзи, оказался то ли капищем, то ли храмом древних ибсянских богов, и межзвездные путешественники по незнанию свалились сюда, как два кура во щи. По мнению Тимерийского, ибсянский культ был связан с мужским началом. А столб, к которому их привязали, являл собой очень правдоподобное изображение

этого начала. Или конца, как кому нравится. Достоянейшему Пигалу не нравилось ни то и ни другое, особенно его пугали рослые ибсянки, которые норовили пощекотать копьями ученого магистра. Князю же, наоборот, ибсянки понравились, и он здесь же, у столба, пустился в пространные рассуждения по этому поводу. Хотя лучше бы человеку молодому помолчать. И что, в самом деле, за охота дразнить взбесившихся баб, которые и без того готовы были разорвать чужаков в клочья?

– Что они от нас, собственно, хотят? – возмутился утомленный приключением магистр.

– Вероятно, проявления этого самого начала.

– А кто его должен проявлять?

– Очень опасаясь, что именно мы.

Ну это уж, знаете, слишком! Достоянейший Пигал – это вам не какой-нибудь мальчишка, а ученый муж, разменявший шестой десяток, и принимать участие в подобных сомнительных игрищах он не собирается. Поразительное невежество, да что они здесь, совсем с ума посходили?!

Предположения князя очень даже походили на правду. Ибсянки, что ни говори, были в самом соку. Нет, как ученый достоянейший Пигал с удовольствием понаблюдал бы за религиозным буйством из безопасного места, поскольку представление не было лишено изыска. И отплясывали девушки с большим азартом, и вообще все это могло быть очень интересно с этнографической точки зрения. Но навязывать участие в церемонии человеку неподготовленному и вышедшему из возраста – это же верх неприличия.

Барабаны неожиданно смолкли, пляска прекратилась, и в центр круга торжественным шагом вышла рослая девушка с копьем в руке. Наконечник копья был энергетическим, это Пигал успел заметить, а больше о девушке и сказать было нечего, поскольку главная ведьма или главная жрица была совершенно обнажена, как, впрочем, и все ее товарки. Не считать же, в самом деле, одеждой огромную диадему на голове главной жрицы?

– Дама трэф, – вслух произнес Тимерийский.

Молодой человек был неисправим в своем пристрастии к картам, но в одном он, пожалуй, был прав: девушка оказалась брюнеткой, и глаза, которыми она смотрела на магистра, были темными, почти черными, как большой камень, венчающий ее диадему. Сбитый с толку происходящим, Пигал не сразу сообразил, что этот камень как две капли воды похож на принадлежавший Асолье Мессонской, а ныне украшающий указательный палец молодого человека. Странное совпадение, если не сказать больше.

– Этого отвязать, – кивнула жрица в сторону Пигала головой. – Он слишком стар для ночи любви.

Достоянейший магистр отнюдь не счел себя оскорбленным и даже выразил чувство признательности молодой ибсянке за проявленное человеколюбие. Затем он счел своим долгом заступиться за своего спутника, поведав жрице, что попали они на Ибис случайно, по вполне невинному поводу. Им всего лишь нужно повидать старую ибсянку Зебу и перекинуться с ней несколькими словами.

– Не путайся под ногами, – прикрикнула на магистра красавица, – иначе я проткну тебя копьем.

Как человек ученый и много повидавший на своем веку, достоянейший Пигал угрозы не испугался и двинулся следом за процессией внутрь храма, куда с песнями и плясками потянулась вся бабья рать.

Тем более что путь ему никто не преграждал. Сиятельный Тимерийский, похоже, становился гвоздем программы. Именно его несли впереди всех восемь рослых девиц, сопровождаемые главной жрицей, размахивавшей энергетическим копьем.

Процессия остановилась в огромном полутемном зале, освещаемом чадающими удушливым дымом факелами. Никто не препятствовал Пигалу в осмотре стен, роспись которых

его не то чтобы потрясла, а скорее, смутила. Увлеченный изучением ибсянской живописи он не сразу заметил, что восемь девушек и князь Андрей исчезли за пологом, подле которого застыла истуканом все та же жрица в диадеме и с копьем наперевес. Исчезновение молодого человека испугало магистра, особенно после того, когда он обнаружил в странном зале не только неприличные картинки на стенах, но и нечто гораздо более существенное: гору черепов, старых, готовых рассыпаться в прах от прикосновений рук, и совсем свежих, сохраняющих следы лицевых мускулов.

Достойнейший Пигал выбрал среди окружающих его ибсянок одну, самую добродушную, и обратился к ней за разъяснениями. Ведьма оказалась болтливой, как, впрочем, и все женщины, но ее откровения не прибавили мудрейшему бодрости духа. Девушка в диадеме вовсе не была главной жрицей, ей всего лишь предоставили право выбрать мужчину и для себя, и для восьми товарок-девственниц, которым предстояло в эту ночь стать женщинами. Время уже приближалось к закату, а мужчина так и не находился, что грозило Леде, так звали девушку в диадеме, большими неприятностями. Сиятельный Тимерийский, надо признать, прибыл как раз вовремя, иначе Леде пришлось бы распрощаться как с диадемой, так и с головой. С диадемой она, впрочем, расстанется в любом случае, а вот с головой, теперь только если избранный ею кандидат не справится со своими обязанностями.

– И что, все ибсянки проходят через эту церемонию подобным образом?

– Все, – подтвердила ведьма.

– А как же мужчины? – полюбопытствовал магистр, глядя при этом в сторону кучи черепов.

– Там только те, кто оказались недостойны ими быть, – отрезала красавица.

Теперь достойнейшему Пигалу стало понятно, почему о мужчинах-ибсянках столь мало известно на других планетах. Если судить по рассказам его нечаянной собеседницы, то подобных ритуальных сооружений на Ибисе тысячи и тысячи, и раз в месяц подобные мероприятия проходят во всех храмах. Немудрено, что мужчины прячутся, и их довольно трудно бывает поймать. Зато участь тех, кого поймали, очень часто оказывается незавидной.

– А нельзя ли сократить число кандидаток, – поинтересовался сиринец, – к обоюдному удовлетворению сторон?

– Нельзя, – отрезала ибсянка. – Девять – число священное. Раньше убивали всех девственниц, которым не повезло с мужчиной, но сейчас только одну, ту, которая делает выбор, а остальных изгоняют с планеты. На возвращение они могут рассчитывать лишь в случае особых заслуг, как, скажем, та самая Зеба.

– А Зебе не повезло в свое время?

– Не повезло, – подтвердила ведьма. – Но она сумела доказать свою любовь к Луме и была допущена в когорт избранных.

Кто она такая, эта Лума, ибсянка уточнять не стала, зато с завистью сообщила, что Леда тоже станет избранницей, если мужчина не подведет. А сиятельный Тимерийский, судя по всему, был настроен весьма решительно: уже шесть претенденток благополучно покинули его ложе, а до восхода Лигуса оставалось еще немало времени. Пигал попытался расспросить словоохотливую соседку о Зебе, но та лишь раздраженно отмахнулась, поскольку испытание мужских достоинств Тимерийского вступило в решающую фазу – седьмая претендентка с сияющим лицом выскользнула из-за полога. Восьмая заставила себя ждать, и достойнейший Пигал заволновался, как, впрочем, и все вокруг. Леда, продолжавшая все так же недвижимо стоять у входа, закусил губу, магистру даже показалось, что она слегка побледнела. Но вот вздох облегчения заставил колыхнуться пламя факелов, и девушка с копьем покинула свой пост, исчезнув за пологом.

Ждать ее пришлось довольно долго, достойнейший Пигал стал уже с беспокойством поглядывать на светлеющее небо Ибиса. Его так и подмывало заглянуть за полог, но сделать

это ему, конечно же, не позволили бы: великое таинство вершилось там, и посторонний глаз мог испортить все дело.

Барабаны ударили так громко, что магистр едва не подпрыгнул от испуга. Тимерийский и его сияющая подруга Леда предстали перед возбужденными зрительницами. На этот раз золотая диадема с черным камнем украшала голову Андрея. Получил он ее, вероятно, за труды и, по мнению достойнейшего Пигала, заслуженно. Похоже, так же считали и все посетительницы культового учреждения. Тимерийский и Леда были буквально засыпаны цветами. А праздник дальше пошел по вполне благополучному и мирному сценарию. Пигал даже слегка перебрал за пиршественным столом, что прежде с ним случалось крайне редко, но, видимо, волнения этой ночи оказались непосильными для немолодого магистра.

Разбудил Пигала незнакомый женский голос. Однако достойнейший магистр не вспорхнул с ложа испуганной птицей – выдержка для ученого отнюдь не последнее качество, – он лишь слегка приоткрыл один глаз, пытаясь разглядеть незнакомку.

– Темнишь ты, старая, – сказал Андрей Тимерийский.

– Старая Зеба знает многое, а расскажет тебе далеко не все. Но судьбу твою я попробую предсказать.

Как человек ученый, да и просто разумный и рассудительный, достойнейший Пигал обязан был вмешаться и прервать начавшийся сеанс Черной магии, но любопытство дознавателя взяло верх над совестью приверженца Белой магии, и магистр остался недвижим, как колода.

Об искусстве ибсянских ворожей ходило много слухов в ученых кругах, и у Пигала появилась редчайшая возможность или подтвердить эти слухи, или опровергнуть.

– Мое искусство древнее, – нараспев тянула старуха, – оно пришло еще из тех времен, когда планета Ибис была частью Темного круга. Немногое сохранилось с тех времен, но и того достаточно, чтобы заставить робкие сердца затрепетать в страхе.

– Я не из пугливых, – хладнокровно заметил Тимерийский.

– Многие нас осуждают за приверженность Черной магии, забывая при этом, что черную карту можно побить только той же мастью.

– Убедила, – голос князя звучал почти весело. – Клади, бабка, на стол свою черную масть.

Пигал раскрыл было рот, но тут же его и закрыл, потому что за столом вместо старухи сидела черноволосая красавица и улыбалась Тимерийскому белыми, как морской жемчуг, зубами.

– Дама пик? – В голосе князя не было уверенности.

– Пиковую даму ты найдешь на Либии, добрый молодец, я сама была такою ровно триста лет тому назад.

– Жалею, что припозднился с визитом на планету Ибис.

– На Ибисе в ту пору ты меня не нашел бы, молодец, так что не жалей о том, что не случилось, а смотри лучше, что с тобой будет.

– Есть чего бояться, старая?

– Другому бы не сказала, а тебе скажу – есть! Тень на тебе, добрый молодец, от самой высокой и самой черной башни во Вселенной. Даром это ни для кого не проходит.

К удивлению Пигала, князь Тимерийский промолчал. Выходит, знает, о чем лопочет старая карга. Быть может, Пигалу стоит вмешаться, пока ибсянка не увела молодого человека по дурной дорожке? Но тогда оборвется последняя ниточка, которая, возможно, приведет магистра к цели. Один из лучших дознавателей Светлого круга потерпит самое сокрушительное в своей жизни поражение, а прекраснейшая из прекрасных Елена Арлиндская навсегда останется в руках злодеев. Имеет ли право магистр Белой магии ради спасения человеческой жизни поступиться всего один раз, да и то практически случайно своими прин-

ципами? Достойнейший Пигал все больше склонялся к мысли, что имеет. Хотя, конечно, кошки у него на душе скребли, да и страшно было. Но, видимо, таков удел истинного ученого – рисковать здоровьем и жизнью ради истины.

– Я понял,– сказал князь.– Действуй.

Пигал был разочарован. Ничего удивительного в действиях старой Зебы он не увидел. Обычные приемы магии, которым владеет любой недоучка фокусник. Внешне это выглядит достаточно эффектно, и на простофиль производит порой неизгладимое впечатление, но человеку ученому смотреть на бестолковые потуги дилетанта просто скучно. Да и глупо все это, глупо и смешно.

Однако достойнейший из мудрых не засмеялся, а закашлялся – уж слишком много дыма напустила старуха. А он ведь ей почти поверил: «черная масть», «тень»! Ох уж эта наша наивная вера в чудеса. Нам все время кажется, что есть еще и иные пути познания, кроме научных. Вероятно, виной всему наша лень. Путь познания труден и тернист, он не каждому по плечу, потому и хочется обмануть и себя, и природу. Ан нет, ничего, кроме дыма и кашля, не получается из слепой веры в чудеса.

Бесспорно, старуха владела даром внушения, а душистые травы и дым его усиливали, но любой, даже начинающий ученый вам скажет, что этого крайне мало, чтобы постичь мир. Дым потихоньку рассеивался, и достойнейший из мудрых уже собирался встать с лежанки, чтобы прокомментировать неудавшийся эксперимент, но вдруг со страхом обнаружил, что вовсе не лежит и даже не сидит и не стоит, а как бы его нет вовсе. Нигде нет Пигала Сирина, исчез начисто, растворился без следа в пугающей темноте. И вот тогда достойнейший испугался по-настоящему. То есть магистра уже не было, а был только рассеянный в темноте ужас, всасывающийся чудовищной воронкой, которой в природе существовать не должно, но тем не менее она была. Пигал вдруг осознал, что даже ужас, который он сейчас вроде бы испытывает, это не его ужас, потому что ни сердце, ни разум сирина ничего подобного не выдержали бы. Боялся кто-то другой, а Пигал Сирина лишь случайно столкнулся с излучаемыми им волнами страха и почти захлебнулся в этих волнах. Магистр закричал или попытался закричать отсутствующим голосом, и исчезнувшее было сердце с треском разорвалось в его груди, плеснув алой горячей кровью на чей-то гигантский розовеющий язык, и два огромных, налитых ненавистью и страхом глаза сверкнули ему навстречу из темноты, а дальше был провал огромнейшей пасти и чудовищный утробный рык насытившегося зверя.

– Беда с этими учеными,– услышал он вдруг над собой голос Зебы.– Только-только по краешку провела, а он едва ума не лишился.

Пигал поспешно открыл глаза – находиться дальше во мраке было выше его сил. Лежал он все в той же комнате, на той же лежанке, и, если бы не противная дрожь в руках и коленях, он бы показал этой старой ведьме, как устраивать шарлатанские опыты над приличными людьми. Безусловно, это был сон, но уж больно страшный. Наверняка старуха подмешала к душистым травам какой-то наркотик.

– По лезвию ходишь, князь, а слева и справа от тебя бездна, где черным-черно. И Его бойся. Сломаешься, дрогнешь хоть на секунду – и пропал. Он тебя любит, но тем страшнее. Одна оболочка от тебя останется, князь, а сердце станет чернее сажи.

– Лорк-Ней – это его работа?

– Нет. Среди своих ищи.

Достойнейший Пигал наконец окончательно обрел себя и даже сел, свесив с лежанки короткие ноги. Князь Тимерийский стоял у стола, разглядывая свой меч, лицо его было сосредоточенным и хмурым.

– Вот тебе кристалл, магистр,– Зеба бросила камень величиной с куриное яйцо на колени сирина.– Воспользуешься, когда время придет.

Пигал взял камень с некоторой опаской: тот был молочно-бел, но с намеком на прозрачность. Таких камней магистру видеть еще не доводилось, и первым его желанием было бросить ведьмину игрушку куда подальше, но он пересилил себя. Подобные жесты к лицу разве что пугливому обывателю, а не ученому и дознавателю. Приходится признать, Черная магия иной раз впечатляет. Пигал уже испытал это сегодня на себе, но ведь практического результата с ее помощью порядочным людям добиться вряд ли удастся. Так что, скорее всего, и этот белый камень вещь абсолютно бесполезная, способная лишь увести с верного пути в дебри невежества.

То ли себя пытался убедить достойнейший Пигал, то ли Андрея Тимерийского, но, во всяком случае, на душе у него полегчало. Да если бы у достойнейшего из мудрых была бы хоть капля сомнений в том, что старая Зеба – шарлатанка, он никогда бы не взял в руки это куриное яйцо. Скорее всего, это даже не магический кристалл, ибо магический кристалл должен быть прозрачен, как слеза младенца. А этот камень какой-то белесый, как стеклянная колба, наполненная дымом.

Тимерийский молчал, растянувшись на горячем песке острова Дракона, и смотрел в голубое либийское небо, где раскалялся от известной только ему обиды неистовый Рамос. На Ливию князь и магистр вернулись без приключений и попали на то же самое место, с которого отправились в гости к дракону Сюзи. Одежду свою они нашли в целости и сохранности. Достойнейший Пигал тут же облачился в свой серый с золотом костюм. Все-таки как ни крути, а неприлично достойнейшему из мудрых, магистру Белой магии, болтаться по свету в чем мать родила.

– Я бы на твоём месте тоже оделся, человек молодой, – посоветовал Пигал князю. – Лучи Рамоса коварны, так погладят по белой коже, что она потом лохмотьями отставать будет.

Князь Тимерийский задумчиво почесал обгоревшее плечо и перевернулся на бок. Глаза его серьезно и требовательно смотрели на магистра. Достойнейший Пигал вздохнул и вновь взял в руки магический камень. Нет, положительно нельзя было пользоваться столь сомнительной вещью, полученной к тому же из ненадежных рук. Конечно, Андрей человек молодой и вечно лезет в воду, не спросив броду, но умудренный опытом и годами достойнейший Пигал не может позволить себе такой роскоши. А кроме того, были кое-какие факты, смущавшие магистра. Ну, например, что это за тень, упавшая на князя, о которой говорила старуха, кто такой Он, который чем сильнее любит, тем опаснее. И еще множество подобного рода вопросов накопилось у магистра к сиятельному Тимерийскому. Но князь молчал, словно незачем ему было раскрывать душу перед старым и надежным другом. Недомолвки рождают недоверие – истина, известная давно.

– Ну, скажем, зачем князю еще один черный камень, теперь уже на пальце среднем?

– Это подарок ибсянки Леды.

– А не кажется ли князю странным, что женщины дарят ему только черные камни, а не бриллианты чистой воды, скажем?

– Я же не спрашиваю, почему дамы дарят достойнейшему Пигалу белые камни, а не изумруды, скажем. – Лицо князя оставалось серьезным, но глаза смеялись.

Магистр почесал затылок, испытывая явные затруднения с ответом на столь коварный вопрос.

– Вот видишь, достойнейший, ты требуешь ответа на свои вопросы, но не торопишься отвечать на мой.

Князь вновь откинулся на спину, а Пигал нервно заметался по драконьему пляжу. Ноги магистра проваливались по щиколотку в песок, но надо же было хоть как-то погасить растущее в нем раздражение. Время от времени достойнейший Пигал не выдерживал, и из него

вырывался возмущенный вопль: «Безобразие!», но к кому относилось это слово, сиринец не уточнял, а разнежившийся под лучами Рамоса князь не спрашивал.

– Какое безобразие? – прозвучал вдруг в двух шагах от Пигала спокойный голос.

Достойнейший из мудрых едва не подпрыгнул от неожиданности, но быстро взял себя в руки:

– Наконец-то, просвещеннейший Семерлинг.

Сиринец, пожалуй, обнял бы старого друга, но слишком высоко нужно было тянуться, поэтому он ограничился поклоном. Князь Тимерийский вяло пожал протянутую кентавром руку.

– Что за безобразие так возмутило тебя, достойнейший? – мягко улыбнулся сиринцу Семерлинг.

Достойнейший магистр солидно откашлялся и не спеша принялся нанизывать слова на длинную нить своих размышлений. Кентавр слушал его, не перебивая, сосредоточенно ковыряя при этом песок передним копытом – дурная привычка, приобретенная в молодости, от которой он не смог избавиться.

– Вот и думай тут, – вздохнул магистр. – Человек молодой рвется в бой, а я, честно скажу, пребываю в затруднении. Уж больно цепочка получается ненадежная: дракон Сюзи, всем известная сволочь, вздорные ибсянские бабы подозрительным числом девять и, наконец, ведьма Зеба, о сомнительных достоинствах которой ты можешь судить по моему рассказу, просвещеннейший.

– Дама пик? – Семерлинг вопросительно посмотрел на князя.

– Какая там дама! – возмутился Пигал. – Самая натуральная ведьма.

– Нет, – отрицательно покачал головой Тимерийский. – Леда – дама треф, Асольда – бубновая дама, Елена – червонная, а даму пик следует искать в Мессонии.

– А черный джокер?

Андрей кивнул головой на магический камень:

– Старуха уверяла, что этот камушек из его огорода.

Достойнейший Пигал решил, что его друзья перегрелись. А чем еще можно было объяснить этот странный разговор, когда кентавр с князем словно колоду карт тасовали.

– Я сразу понял, как только увидел Асольду, что игра началась, – сказал Тимерийский.

– В те времена ей было не больше года, – задумчиво протянул Семерлинг.

– Они с Ледой ровесницы.

– А почему ты решил, что Елена Арлиндская – червонная дама?

– Видел ее портрет на борту корвета.

Достойнейший Пигал обиделся. Нет, его спутники не сошли с ума и не перегрелись под лучами беспощадного Рамоса. В их разговоре был какой-то смысл, но, к сожалению, недоступный пока разумению магистра.

– Извини, дорогой друг, – спохватился наконец кентавр Семерлинг. – Я совсем забыл, что ты не в курсе наших дел. Двадцать лет назад я обнаружил в руках у годовалого Андрея пять карт – четырех дам и черного джокера. Самые обычные карты, их вполне могла дать Андрею мать или нянька. Смущал меня только джокер – черный, как сажа, с дьявольской ухмылкой. А когда я увидел Асольду Мессонскую, как две капли воды похожую на бубновую даму, я понял, что партия началась.

Магистр растерянно почесал затылок. Странная история, что ни говори. Было о чем подумать и кентавру Семерлингу, и магистру, и молодому человеку, который полез в воду смывать с тела песок драконьего пляжа.

– Я не хотел, чтобы мальчик включался в эту игру, – вздохнул Семерлинг. – Когда ты появился с этой принцессой Еленой, я, честно говоря, обрадовался. Девчонка, похищенная пиратами, море, приключения, ну чем не развлечение для скучающего Героя?

– Уж не заподозрил ли ты меня, дорогой друг? – испугался Пигал.

Семерлинг смущенно почесал переносицу:

– Извини, достойнейший магистр, но я просто обязан был проверить.

– Я на твоём месте поступил бы точно так же, – поспешил успокоить друга сиринец, хотя и слегка покривил душой.

– Тебе я верил, достойнейший, – спохватился Семерлинг. – Но ведь тебя могли использовать вслепую. Я обязан был найти ниточку, за которую кто-то потянул.

– И нашел?

– Не совсем, – уклонился от прямого ответа кентавр и, помолчав, добавил со вздохом:

– Извини, друг, что я принес тебе тяжелую весть. Фея Ирли умерла.

Лицо сиринца потемнело, потом смертельно побледнело, но держался он мужественно.

– Она была уже немолода.

– Да, конечно, – машинально подтвердил Пигал.

– Прошло много лет, с тех пор как вы расстались.

И вновь сиринец отозвался своим горьким «конечно». Впервые в жизни он так остро почувствовал груз прожитых лет. Это была не первая потеря на его пути, но эта была одна из самых горьких.

– Прими мои искренние соболезнования, дорогой друг.

После долгого и тяжелого молчания Пигал спросил:

– Ты думаешь, что кто-то ее использовал, а потом устранил?

– Видишь ли, достойнейший магистр, фея Ирли, как ты знаешь, давно покровительствует арлиндскому королевскому дому, и человек, похитивший Елену, мог не сомневаться, что ее эта весть встревожит. А встревоженная Ирли непременно обратится к своему старому и надежному другу, лучшему дознавателю Светлого круга Пигалу Сиринскому, который в свою очередь донесет эту весть до кентавра Семерлинга и его воспитанника. И колесо судьбы закрутится в нужную кому-то сторону.

Сказать, что Пигал Сиринский был потрясен, значит не сказать ничего. Боялся ли он? Да, боялся. А кто бы не испугался на его месте? Наверное, и кентавр Семерлинг, несмотря на свое самообладание, чувствует себя не совсем уютно. Какие-то могущественные силы бросали им вызов, уклоняться от него было не только позорно, но, пожалуй, и бесполезно. Карты сданы – игра началась.

Капризный Рамос, изрядно-таки опаливший кожу беспечного князя Тимерийского, лениво скатывался за горизонт. С разгульного Либийского океана потянуло вечерней прохладой. Достойнейший Пигал напряженно ждал, когда последний отблеск дневного светила, скользя по гребню волны, исчезнет в холодной пучине и ему на смену вынырнет изнеженный и бледный, как после тяжелой болезни, Корус, ущербный спутник Либии, швыряя своей разгоряченной в объятиях Рамоса непостоянной подруге горсти серебра.

Молочно-белый магический камень в руках Пигала стал таким же черным, как либийская ночь, надвигающаяся с океана. Тьма, исходившая из камня, заполняла собой все, и скоро даже свет костра не мог ее рассеять. Но где-то там, в самом центре сгущающейся тьмы, появилось вдруг нечто, отдаленно напоминающее свет звезды. И это нечто, пронизывающе холодное в своей чужеродности, вдруг рассыпалось на миллиарды крохотных осколков-светлячков, которые по неслышной команде стали разворачиваться в белую спираль, твердеющую под ногами очарованных путников. По этой спирали они, с трудом веря в свои ощущения, спустились вниз.

– Забавно, – сказал Андрей Тимерийский, видимо, просто для того, чтобы услышать свой голос.

Пигал ничего забавного во всем происходящем не находил. Тем более что винтовая лестница закончилась, и исследователи оказались перед внушительной дверью, которую

предстояло открыть. Но никому не пришло в голову открыть ее с ходу, поэтому все трое застыли на месте в раздумье и недоумении.

– Двум смертям не бывать, а одной не миновать, – вслух произнес Андрей Тимерийский известную присказку Героев и решительно толкнул дверь ногой.

Ничего особенного не случилось, если не считать того, что магический камень в руках Пигала Сиринского из черного опять стал белым.

– Заколдованный замок, надо полагать? – Андрей вопросительно взглянул на Семерлинга.

Кентавр в ответ только пожал могучими плечами. На первый взгляд это был самый обычный зал, предназначенный для танцев с небольшим возвышением в углу для оркестра. Пол был выложен тщательно подогнанными друг к другу мраморными плитами.

– Где-то я уже видел нечто подобное, – задумчиво проговорил Андрей. – Вот только не могу вспомнить, где именно.

Спутники князя промолчали, видимо, еще не успели разобраться в собственных ощущениях. Странно, что никто так и не вышел им навстречу, хотя звук шагов, разносившийся по гулкому залу, мог бы разбудить даже мертвого. А голоса обитателей замка доносились откуда-то справа. Или слева, как утверждал достойнейший Пигал. Так или иначе, но, осмотрев множество комнат, они никого не обнаружили. Могло создаться впечатление, что обитатели замка затеяли с гостями игру в прятки, но и достойнейший Пигал, и просвещеннейший кентавр Семерлинг были уже недостаточно молоды для подобных забав.

Невнятный шум голосов сменился стройным пением, но гостям, а может быть, даже пленникам загадочного замка веселее от этого не стало. Осмотрены были уже, кажется, все помещения, но результат оказался неутешительным: голоса слышались повсюду, но людей во плоти и крови исследователям увидеть так и не удалось.

Они бродили по замку уже несколько часов, без особого интереса разглядывая внушительные стены и роскошное внутреннее убранство, когда Пигал обратил внимание своих спутников на довольно странное обстоятельство: зеркала, развешанные по всему замку, не отражали окружающих предметов.

– Но почему? – все больше и больше удивлялся магистр, прилагая максимум усилий, чтобы появиться в огромном зеркале, блистающем равнодушной гладью в нескольких шагах от его скромной персоны.

Андрей Тимерийский усиленно строил рожи зеркалу соседнему, но с тем же успехом. Кентавр Семерлинг приложил ладонь к гладкой поверхности и тут же с криком отдернул ее. Ожог был чудовищным, запахло паленым мясом. Андрей, повинуясь безотчетному порыву, нанес по зеркалу удар мечом наискось. Чудовищная вспышка едва не ослепила всех троих, а князя Тимерийского отбросила на десять метров в сторону, к огромной колонне. Меча из рук он, впрочем, не выпустил, да и сам нисколько не пострадал.

Кентавр Семерлинг потрясал в воздухе обожженной рукой, проклиная себя за глупую беспечность. Рука почернела едва ли не по локоть. Пигал забеспокоился: конечно, кентавр – искусный врачеватель и в конце концов справится с болью, но как бы ожог не привел к заражению крови.

И вдруг среди всей этой суматохи, вызванной приключением с зеркалами, отчетливо прозвучал веселый молодой голос:

– Я рад тебя приветствовать в своем замке Лорк-Ней, просвещеннейший Семерлинг. Как ни был бледен кентавр, но от этого голоса он побледнел еще больше.

– Но это же... это же князь Феликс, – прошептал растерянно Пигал Сиринский, потрясенный услышанным не меньше кентавра.

Впрочем, надо отдать должное Семерлингу, он довольно быстро справился со своей слабостью.

– Этот замок – точная копия Лорк-Нея, – сказал он Андрею. – А голос, который только что прозвучал, очень похож на голос твоего отца.

И словно в подтверждение этих слов кентавра рядом, буквально в нескольких шагах, громко заплакал ребенок, а все тот же голос, но уже полный ярости и боли крикнул:

– Наталья, спасай сына, мы их задержим.

А следом по всему замку пронесся звериный вой и послышался характерный треск скрестившихся энергетических мечей. И снова тот же голос потрясенно произнес:

– Ты... это ты их привел... не может быть!

Потом все стихло, пропали даже слышимые ранее голоса, словно неизвестный сообщил гостям все, что хотел, и решил более себя не утруждать. Бледный Семерлинг вытер подрагивающей здоровой рукой пот со лба. Впрочем, и Андрей Тимерийский выглядел не лучше своего наставника.

– Чудовищно, – обрел наконец дар речи Пигал. – Хотел бы я знать, кто это столь мерзко подшутил над нами?!

Князь Тимерийский резко повернулся к сириенцу:

– Это действительно замок Лорк-Ней, просвещеннейший Семерлинг не ошибся?

– Вон та лестница ведет в покои твоего отца, – махнул рукой Пигал. – Там ты появился на свет. Мы сидели за тем столом, когда князь Феликс спустился по лестнице с сияющим лицом и сообщил нам о рождении сына и наследника.

– Но вы говорили, что замок был разрушен до основания.

– Он и был разрушен, – глухо отозвался Семерлинг. – Я нашел тебя под обломками рухнувшей стены. Рядом была твоя мать, но уже неживая.

– Это, несомненно, копия, – подтвердил Пигал. – Непонятно только, зачем кому-то понадобилось ее создавать здесь, на Либии.

– Я должен взглянуть, – Андрей кивнул головой на лестницу.

– Честно говоря, – кентавр взглянул на свои копыта, – я не большой охотник топтать по ступенькам. Быть может, достойнейший Пигал составит тебе компанию?

Сиринец не возражал, хотя он никогда прежде не бывал в личных покоях князя Феликса и не мог поэтому служить его сыну проводником. Были у него, конечно, некоторые сомнения в том, что вряд ли деликатно вторгаться в личную жизнь человека, пусть и давно умершего, но, пораскинув мозгами, магистр пришел к выводу, что церемонии в данном случае излишни. Этот замок всего лишь копия Лорк-Нея, и здесь можно ожидать любой подлости. Отпускать молодого человека, взволнованного всем происшедшим, блуждать в одиночку по этому сооруженному невесть кем лабиринту было бы небезопасно. Да и любопытство двигало дознавателем, что там греха таить. Любопытство, надо признать, отнюдь не праздное.

– Это моя мать? – кивнул Андрей Тимерийский в сторону портрета.

Пигал это полотно видел впервые, но женщину, изображенную на нем, узнал. Это действительно была мать Андрея – земная женщина во всей своей ослепительной красоте. Голубоглазая и светловолосая, она улыбалась им беспечной улыбкой молодости и обретенного покоя и счастья. Счастье было здесь же, на руках, крохотное, беззубо улыбающееся миру, в котором ему предстояло пройти, будем надеяться, долгий, хотя, вероятно, и нелегкий путь. Пигал покосился на застывшего перед портретом князя Андрея и тяжело вздохнул. Его охватило горькое чувство безнадежности, вероятно, вызванное чувством вины перед женщиной. В чем эта вина, он и сам бы не смог объяснить, но, вероятно, она была, если молодая красивая женщина улыбается только на портрете.

– Что это? – Андрей с удивлением взял в руки странную игрушку из черного дерева.

Достойнейший Пигал с трудом припомнил историю, связанную с забавной фигуркой. Кажется, князь Феликс притащил ее с Земли и очень гордился этим обстоятельством. Вырезанная из черного дерева неизвестной магистру породы, фигурка паяца была смешна и

ужасна одновременно. Сиринец предпочел бы оставить ее здесь же, среди кучи погремушек, принадлежавших когда-то маленькому Андрею, но сам князь рассудил иначе и взял паяца с собой.

Кентавр Семерлинг долго любовался странным произведением неизвестного мастера, прежде чем высказал свое мнение:

– Твой отец рассказывал мне, что во время скитаний по Земле он проник в замок тамошнего волхва-колдуна и выкрал у него эту игрушку вместе с твоей захваченной в плен матерью. Он называл паяца Черным скоморохом. Очень может быть, что это предмет какого-нибудь земного культа.

Достойнейший Пигал тоже кое-что припомнил. Князь Феликс, по его словам, захватил эту фигурку в подарок своему другу кентавру Семерлингу, но тот от нее отказался. И князь тогда очень расстроился, поскольку именно просвещеннейший Семерлинг просил его привезти с Земли подобную вещицу.

– Нет, – покачал головой кентавр. – Я просил князя совсем о другом.

– Как же ему удалось пронести Черного скомороха сквозь пространство и время? – удивился Андрей. – Он ведь должен был сгореть, как головешка.

– Мы тоже удивлялись, – подтвердил Пигал. – Но твой отец только смеялся. Он вообще любил ошарашить друзей каким-нибудь сюрпризом.

– Мы решили, что фигурку только-только изготовили из свежесрубленного дерева. Князю Феликсу просто повезло.

– Да, – кивнул головой Пигал. – Именно так нам тогда объяснил удачу твоего отца просвещеннейший Семерлинг и посоветовал Феликсу оставить игрушку для наследника.

– Возможно, – пожал плечами кентавр. – Я уже не помню всех подробностей.

Князь Тимерийский долго вертел игрушку перед глазами, словно пытался найти в ней только одному ему известную особенность. Пигалу этот внезапно вспыхнувший интерес князя к неизвестно откуда свалившейся вещице не понравился.

– Я возьму его с собой, – сказал Андрей. – На память.

– Я против, – возмутился Пигал. – Это ведь не Лорк-Ней, человек молодой, это только копия, сделанная невесть кем и для чего. И это совсем не та игрушка, которой ты играл на Альдеборане.

– Нет, – сказал князь. – Скоморох тот же самый.

И это было сказано с такой уверенностью, что магистр даже рот открыл от изумления. А вот кентавр Семерлинг почему-то молчал. Впрочем, просвещеннейшему, скорее всего, было не до игрушек – обожженная рука угрожающе распухла.

– Слышите? – с тревогой вдруг произнес Семерлинг.

Слева нарастал воющий звук, от которого волосы на голове сиринца встали дыбом.

– Пора сматывать удочки. – Пигал верхним нюхом опытного рыбака почувствовал, что попавшая на крючок рыба готова проявить свой нрав.

Кентавр Семерлинг был того же мнения, тем более что гладкая до сего времени поверхность зеркал вдруг заволновалась и пошла рябью, как поверхность деревенского пруда перед наступающей непогодой. И вдруг из ближайшего зеркала хлестнуло электрическим разрядом в мраморную колонну, которая рассыпалась в прах на глазах изумленных зрителей. Впрочем, зрители уже превратились в беглецов. И было от чего поспешать: электрические разряды буйствовали уже во всех помещениях замка, а серебристые зеркала были теперь похожи на черные провалы. Достойнейший Пигал, занявший уже к тому времени привычное в экстремальных ситуациях место на спине своего друга кентавра Семерлинга, успел заметить огромный, налитый кровью глаз, сверкнувший ненавистью из глубокого, как ночь, омут. К счастью, через секунду друзья были на винтовой лестнице, а еще через несколько минут могли вдыхать полной грудью свежий воздух благословенной Либии.

Овальный магический камень, с помощью которого исследователи проникли в замок, вдруг вспыхнул в руках слегка струхнувшего Пигала Сиринаского и сгорел в мгновение ока без следа. После этого гул стих и либийская почва перестала колебаться.

– Я всегда говорил, что увлечение Черной магией до добра не доведет, – в сердцах воскликнул магистр.

– Пока все живы-здоровы, – усмехнулся Андрей Тимерийский и подбросил на ладони паяца.

– На вашем месте, человек молодой, я утопил бы эту игрушку в Либийском океане и забыл бы это место.

Пигал был крайне недоволен кентавром: не может же, в самом деле, просвещеннейший Семерлинг не понимать, какую опасность сей предмет представляет для человека молодого, да и не только для него.

– Ты полагаешь, достойнейший, что мы коснулись запретного?

Пигал возмущенно фыркнул:

– Не просто коснулись, просвещеннейший, вернее будет сказать, едва не сгорели, а то и чего похуже.

– По-моему, смерть в огне весьма болезненный процесс, – ехидно заметил Тимерийский. – Так что же может быть хуже этого, достойнейший магистр?

Молодость, молодость. Ей бы только зубы скалить. Но, увы, не все так просто в этом мире, есть вещи и похуже смерти. Просвещеннейший Семерлинг должен был объяснить это в свое время своему воспитаннику. Сиринец хотел было рассказать своим друзьям о чудовищном глазе, мелькнувшем в черном провале сгоревшего зеркала, но передумал: во-первых, не был уверен, что все это ему просто не привиделось, а во-вторых, что, собственно, его сомнения и страхи могли добавить к пережитому кентавром и князем. Видели они вполне достаточно, чтобы самостоятельно сделать соответствующие выводы. И, если просвещеннейший Семерлинг молчит по поводу увиденных в заколдованном замке чудес, значит, это неспроста. То есть выводы-то Семерлинг, скорее всего, сделал, но поделиться ими с другом почему-то не спешит. И это не может не навести друга на мысли, весьма нелестные для просвещеннейшего кентавра. Недоверие подтачивает дружбу, а Пигалу очень не хотелось, чтобы их с Семерлингом многолетние добрые отношения дали трещину.

– Парус на горизонте! – крикнул Андрей Тимерийский и призывно взмахнул руками.

Заметили его жест или нет, но, во всяком случае, шхуна приближалась. Пигал без труда опознал в ней «Жемчужину Арлиндии», достославное судно искуснейшего моряка и не менее искусного мошенника Летучего Зена.

Арлиндский шкипер дошел в своей отваге до того, что рискнул ступить ногой на песчаную косу драконьего острова. Хотя, возможно, это произошло потому, что сиятельного Тимерийского он боялся куда больше, чем отсутствующего по причине приступа желудочной болезни дракона Сюзи. Недаром же, едва ступив на твердую почву, Летучий Зен первым делом бросил взгляд на правую руку князя и смертельно побледнел, обнаружив там вместо одного колдовского камня целых два. Пигал, смеявшийся прежде над страхами моряка, теперь их тоже разделял.

Страх перед колдовскими способностями молодого князя, однако, не помешал Летучему Зену заломить совершенно непомерную цену. Достойнейший магистр попробовал было поторговаться, но кентавр Семерлинг только рукой махнул:

– Тебе заплатят.

И Летучий Зен мгновенно снял перед Семерлингом свою просоленную шляпу. Как ни прискорбно было это сознавать достойнейшему из мудрых, но слово кентавра на планетах Светлого круга стоит все-таки побольше, чем слово сиринца.

– В Мессонию, – распорядился Семерлинг. – У меня есть вопросы к Гигу Сигирийскому.

Что это за вопросы, кентавр уточнять не стал, а достойнейший Пигал не спрашивал, пробурчав при этом, что с какой стати он станет суетиться, если его все здесь считают за назойливую муху, жужжание которой лишь раздражает просвещеннейшее ухо.

– Я поражен твоими словами, достойнейший Пигал.

Если судить по интонации, то кентавр Семерлинг действительно был поражен. Разговор происходил на корме «Жемчужины Арлиндии», где в этот момент никого, кроме двух старых друзей, не было.

– Если ты поражен моими словами, просвещеннейший Семерлинг, то позволь и мне выразить свое мнение о твоей скрытности. Мне казалось, что наша многолетняя дружба предполагает большую степень откровенности, но, видимо, я ошибался.

– Есть подозрения, достойнейший Пигал, настолько страшные, что в них трудно признаться даже самому себе, а уж тем более поделиться ими с кем-то другим, даже если этот другой твой самый преданный и надежный друг, не раз проверенный в испытаниях.

Достойнейший Пигал крякнул от досады. Каким же все-таки дураком и невежей он себя показал, вот и воспетая в балладах сирийская чуткость. Не сумел понять состояние ближайшего друга, захлебнулся в собственных надуманных обидах и проглядел чужую настоящую боль. Конечно, магистр мог догадаться обо всем сам, а не терзать вопросами и без того истерзанную душу друга. Просвещеннейший Семерлинг действительно сомневался, но не в старом проверенном друге Пигале Сирийском, а в своем воспитаннике, и, надо признать, для этих сомнений у него были весьма серьезные основания.

– Я давно хотел спросить тебя, просвещеннейший, – осторожно начал Пигал, – почему ты решил, что мальчик, найденный тобой на развалинах Лорк-Нея, именно Андрей Тимерийский?

– Нет, достойнейший Пигал, здесь ошибки быть не может. – Кентавр печально покачал головой. – Я видел этого ребенка на руках его отца буквально за неделю до печальных событий. Нет, дело не в подмене.

– Тогда в чем же, просвещеннейший Семерлинг?

– Не знаю, дорогой друг, а может быть, просто боюсь сформулировать. Андрей Тимерийский часто ведет себя совсем не так, как хотелось бы.

– Очень непредсказуемый человек и очень скрытный, – подтвердил Пигал. – А может быть, все дело в том, просвещеннейший Семерлинг, что мы с тобой перестали быть молодыми, и уже очень давно.

– Хотел бы я надеяться, достойнейший Пигал, что ты прав, а я просто глупый кентавр, который взялся на склоне лет за воспитание чужого ребенка, и это почетное занятие оказалось мне не по плечу.

– Но если все-таки предположить нечто иное... – Пигал смутился и покосился на собеседника.

Лицо кентавра было сосредоточенным и строгим.

– Не будем, достойнейший Пигал, путаться в предположениях, а просто понаблюдаем, подумаем и сопоставим.

Иного выхода у них просто не было, и магистру волей-неволей пришлось согласиться. К тому же ему пришла в голову одна интересная мысль: а что, если Андрей Тимерийский догадывается о подозрениях своего воспитателя и здесь кроется причина его весьма прохладного отношения к кентавру? Быть может, достойнейшему Пигалу удастся растопить лед взаимного недоверия и снять тем самым очень многие вопросы, мучившие небезразличных сирийцу друзей. Конечно, найдутся моралисты, которые обвинят достойнейшего магистра и дознавателя во всех смертных грехах. Но ведь слежка им велась исключительно в интересах самого молодого человека, да еще в интересах всей цивилизации Светлого круга. Как намекнул просвещеннейший Семерлинг, тут уж выбирать не приходилось.

Впрочем, ничего заслуживающего внимания Пигал пока не обнаружил. Князь просто проспал чуть не всю неделю пути до Мессонии. Все попытки его разговорить заканчивались ничем. Тимерийский отшучивался и зевал, демонстрируя великолепные зубы. Пожалуй, единственной его странностью оказалась привязанность к Черному скомороху, которую, однако, можно было объяснить самым тривиальным образом. Наверняка он играл этой игрушкой в детстве и сохранил ее как память об утраченном мире.

Пару раз князь разговаривал с Летучим Зеном, но ничего подозрительного в этих беседах не было. Насколько мог выяснить достойнейший магистр, речь шла о вещах обыденных – мессонских девушках, мессонских легендах, о страшном колдуне Зеиле, проживающем в заколдованном замке, ну и о прочей подобной чепухе. Летучий Зен клялся и божился, что больше никаких вопросов князь ему не задавал, но глаза его при этом бегали, и достойнейший Пигал ему не слишком верил.

Город Бусон, столица Мессонии, встретил путешественников шумом и гамом торговой площади, расположенной, как водится, в нескольких шагах от порта. Пигала немного обидело то обстоятельство, что взгляды бусонцев целиком были прикованы только к кентавру Семерлингу, а на всех остальных, под которыми достойнейший из мудрых подразумевал, собственно говоря, самого себя, не обращали внимания, но тут уж ничего не поделаешь: сириnceв природа умом не обделила, а вот что касается статей, то тут оставалось желать много лучшего.

Кентавр горделиво плыл впереди, раздвигая толпу любопытных мощным торсом, достойнейший Пигал шел следом, рядом с князем Тимерийским, свысока поглядывая на толпу, что при незавидном росте сиринца было настоящим искусством. Летучий Зен с одним из своих матросов замыкали шествие.

Князь Андрей в высокомерии отнюдь не уступал достойнейшему Пигалу, но значительно превосходил сиринца в росте, что было сразу замечено бусонцами. Несколько язвительных замечаний послышалось из толпы в адрес надутого молокососа, на что князь не замедлил ответить оплеухами по ближайшим загривкам, не утруждая себя разбирательствами. Вспыхнул небольшой скандалчик, в который была втянута и команда «Жемчужины Арлиндии», изрядно пострадавшая в потасовке. Бусонская публика по всей Либии славилась своей горячностью. Локальная стычка стремительно перерастала в грандиозную драку, в которой, похоже, готовилась принять участие вся собравшаяся на площади городская рвань. Причем бусонцы с поразительной быстротой разделились на противников князя Тимерийского и его сторонников. Противники кричали сиятельному «негодяй» и почему-то «предатель», а сторонники – «да здравствует» и «благодетель». Чем князь Тимерийский облагодетельствовал одну часть бусонцев, ступивши на землю Мессонской империи буквально полчаса назад, и когда успел так жестоко насолить другой, понять было трудно, но крик поднялся невероятный.

Появление на площади гвардейцев Гига Сигирийского быстро утихомирило разгоревшиеся страсти. В драке пострадал и достойнейший Пигал, который не успел или не захотел вскочить на спину кентавру и поплатился за нерасторопность или самоуверенность отдаленной ногой. Князь Тимерийский, проявивший неслыханную прыть и успевший расквасить за короткое время десятка два сильно не понравившихся ему мессонских рож, отделался разорванным воротом камзола. Синяки и шишки Летучего Зена и его матроса никто считать не собирался. А Семерлинг не пострадал вовсе, да и кому бы пришлось в голову поднять руку на кентавра?

И тем не менее именно кентавру Семерлингу в первую очередь принес свои извинения Гиг Сигирийский, красивый рослый мужчина, упакованный в золото и серебро, словно сиринская кукла. Пигалу он не понравился с первого взгляда, может быть потому, что во время приветствия нагло проигнорировал магистра, сосредоточив все свое внимание на кен-

тавре Семерлинге и князе Тимерийском. И только после того, как просвещеннейший Семерлинг представил ему своего друга, нехотя протянул унизанную перстнями руку и небрежно, свысока кивнул.

У достойнейшего Пигала создалось впечатление, что Семерлинг и Гиг Сигирийский видятся отнюдь не в первый раз, а, похоже, знакомы очень даже хорошо.

– Я ведь говорил тебе, достойнейший, что был на Либии лет двадцать назад. Наша встреча была почти случайной.

Может быть. Но тогда непонятно, почему этот авантюрист ведет себя так, словно знаком с просвещеннейшим тысячу лет, и твердит без умолку, что всем ему обязан? Нет слов, и величественными жестами, и властным выражением лица Гиг Сигирийский являл миру образец владыки и императора, но, увы, как поговаривают злые, но весьма осведомленные языки, даже титул барона он получил из рук Сайры Великодушного, который, видимо, решил, что получить рога все-таки приличнее от благородного барона, чем от пирата по прозвищу Веселая Рожа. В молодые годы этот бесспорно влиятельный человек промышлял делом малодостойным, и о его бесчинствах могли бы поведать арлиндские, мессонские, земейские и зарийские торговцы, если бы нашелся любопытный, которому пришла бы в голову идея прогуляться на дно Либийского океана для сбора свидетельских показаний.

Судьба благоволила Гигу, он имел счастье понравиться прекрасной супруге незабвенного Сайры Великодушного и дослужиться до звания адмирала мессонского флота. Победа при Абидане над земейским флотом сделала Гига правителем империи. Ибо Сайра Великодушный, да не икнется ему в гробу, был посредственным полководцем и неизменно проигрывал земейцам все сражения. Гиг Сигирийский не только разгромил земейцев на море, но изрядно потрепал их и на суше. Поговаривали, правда, о помощи ему нечистой силы, но это уж как водится. Чужой успех всегда кажется недоброжелателям лишь результатом усилий волосатой руки. Однако Веселая Рожа и сам был расторопным парнем, в этом ему не могли отказать даже враги. Он в два счета упрятал капризного императора Сайру в отдаленный замок и утвердился не только на ложе императора, но и на его троне, объявив себя заместителем прихворнувшего Сайры. Поначалу все для Гига Сигирийского складывалось хорошо, если не считать мелких неприятностей вроде народных бунтов и баронских заговоров, но на исходе третьего года его правления случилась самая настоящая беда, едва не стоившая Гигу не только власти, но и головы. Императрица Бренгильда Мессонская, от имени которой Сигирийский управлял империей, скончалась при родах, оставив любовнику прелестную девочку, названную Асольдой. Ситуация, что ни говори, создалась щекотливая. Выдать ребенка за дочь законного императора Сайры, три года до этого пребывавшего в местах отдаленных, не было никакой возможности. Ну и, как водится, у прихворнувшего Сайры появились другие наследники, вроде Птаха Арлиндского, как уверяли, дальнего родственника еще не почившего в бозе императора. Зарождающаяся смута грозила захлестнуть и Мессонию, и Арлиндию, надолго погрузив оба государства в пучину беззакония и усобиц. Кому и как удалось привести к соглашению враждовавшие стороны, так и осталось неясным. Зато был обнародован документ, а точнее, завещание Сайры, за которое он и получил свое прозвище – Великодушный. Асольда, признанная Великодушным дочерью, должна была отправиться в Арлиндию по достижении восемнадцати лет в качестве супруги овдовевшего короля Птаха, а наследницей императора Мессонии объявлялась Елена Арлиндская, но только по достижении ею совершеннолетия, а пока местоблюстителем престола оставался все тот же Гиг Сигирийский. Двадцать лет пролетели так быстро, что никто и охнуть не успел, и опять для Веселой Рожи наступили нелегкие времена. Давно уже спал вечным сном великий путаник Сайра Великодушный, но заложенная им мина только-только собиралась взорваться.

Однако, к удивлению достойнейшего Пигала, нашелся опытный минер, который ее, к большому удовольствию барона и местоблюстителя, обезвредил. И сообщил об этом маги-

стру не кто иной, как Летучий Зен, укоризненно при этом вздыхая. Сказать, что достойнейший из мудрых был потрясен, значит не сказать ничего. Одним мановением чьей-то э... руки была сокрушена наработанная многолетними трудами репутация Пигала Сиринаского, магистра и дознавателя, известного не только на ближних планетах Светлого круга, но и на дальних. Какое коварство, какая неслыханная низость! Да это просто невероятно, это не может быть правдой! Ведь достойнейший Пигал самолично, вместе с королем Птахом, охранял покои несравненной Асольды.

– Вот-вот, – подтвердил Летучий Зен. – Так и говорят: пока один королю зубы заговаривал, другой все и провернул. За Асольдой из Бусона уже послали корабль, в ее беременности уже ни у кого нет сомнений.

– А король Птах?

– Рвет и мечет, шлет проклятия виновникам своего бесчестия, но ничего поделать уже не может. Его подпись стоит под договором. Словом, большое спасибо и вам, магистр, и вашему князю от всего Арлиндского королевства. Гиг Сигирийский уже объявил своего неродившегося внука наследником мессонского трона, а себя, естественно, регентом при ожидаемом малолетнем государе.

– Какой кошмар! – простонал в отчаянии достойнейший Пигал.

Слава о коварном сиринце разнесется теперь по всем планетам Светлого круга. О князе Тимерийском никто и не вспомнит, все шишки непременно падут на голову магистра. Негодяй Пигал! Предатель Пигал! Нет, он должен бороться. Должен доказать, что не причастен к чудовищному обману. Не исключено к тому же, что и князь здесь абсолютно ни при чем, а все дело в происках Гига Сигирийского, который пытается свою гнусность прикрыть чужой кристально чистой репутацией.

Просвещеннейший Семерлинг внимательно выслушал сбивчивую горячую речь своего друга.

– А вы уверены, что к Асольде Мессонской ночью никто не заходил?

– Абсолютно уверен! – возмутился достойнейший Пигал. – На окнах ее спальни решетки толщиной в руку, а в прихожей были мы с королем Птахом.

– Быть может, вас отвлекли ученые занятия и вы просмотрели барьер невидимости, удачно кем-то поставленный?

Достойнейший Пигал обиделся: уж кому-кому, а просвещеннейшему Семерлингу известно, что с магистром Белой магии подобные фокусы не проходят. Не было никого, кроме глупой дылды-служанки, не ко времени отправившейся за вином для своей хозяйки.

– Она ходила за вином один раз?

– Нет, дважды. Вечером и утром.

– Ну вот, достойнейший Пигал, и разгадка.

– Но позволь, просвещеннейший, я сам разговаривал с ней. И даже выпил вина из принесенного ею кувшина.

– Это было вечером?

– Нет, – потерянно отозвался Пигал, покрываясь мелкими бисеринками пота. – Утром.

Какой же он дурак! Служанка, вышедшая из комнаты своей госпожи, была действительно служанкой, но это было вечером, а поутру спальню покинул совсем другой человек, навеки погубивший репутацию магистра, негодяй, каких свет еще не видывал, коварная и недостойная личность. Кому же можно верить в этом поганом мире, в конце концов? Нет, оправдаться Пигалу Сиринаскому уже не удастся. Магистр-идиот – это еще хуже, чем магистр-негодяй.

– Не все еще потеряно, достойнейший Пигал, – утешил друга кентавр Семерлинг. – Если удастся найти пропавшую Елену Арлиндскую, то вся грязь смоется с твоего честного имени слезами благодарного отца и его не менее благодарных подданных.

Слова Семерлинга вернули магистру утерянную веру в себя. Именно так. Просвещеннейший прав. Вселенная еще узнает, кто такой Пигал Сирийский! А этому сиятельному негодяю Тимерийскому магистр даже взглядом не позволит прикоснуться к прекраснейшей из прекрасных.

– Кажется, наш молодой друг увлечен новой красавицей. Если не ошибаюсь, это прекрасная Лилия, дочь барона Садерлендского, ближайшего сподвижника Гига Сигирийского.

Достойнейший Пигал был удивлен осведомленностью просвещеннейшего кентавра. До сих пор он считал, что его друг интересуется только древнейшими манускриптами Мессонии, пылью веков, так сказать, и далек от проблем текущей жизни.

– И в пыли веков можно кое-что отыскать, дорогой друг, – отозвался Семерлинг. – Ну, скажем, трехсотлетней давности историю о бароне Силисе Садерлендском, спутавшемся с нечистой силой.

Достойнейший Пигал, несмотря на минорное настроение, не сдержал улыбки:

– Я слышал о бароне Силисе от Летучего Зена. Кажется, эта история происходила в замке Крокет и до сих пор волнует воображение простонародья.

– И неспроста, – со значением взглянул на магистра Семерлинг. – Очень занятная история, смею тебя уверить, дорогой друг. А началась она весьма романтично, когда барон обнаружил неподалеку от своего замка на берегу Либийского океана прекрасную чужестранку и не нашел ничего более умного, как жениться на ней. Красавица родила ему двух сыновей, и, возможно, их жизнь и дальше протекала бы столь же безмятежно, если бы несчастный барон Силис не увлекся Черной магией под влиянием своей жены, как считали соседи, за глаза называя Зебу Садерлендскую ведьмой.

– Зебу? – Удивленный Пигал даже привстал.

– Да, я тоже сразу же обратил внимание на это имя. Итак, однажды, темной дождливой ночью в замке Крокет произошло нечто ужасное. Настолько ужасное, что пережить это смогли только двое: младший сын барона, совсем младенец, и сам барон, сошедший, впрочем, с ума. Все слуги и домочадцы барона умерли. И, как пишет летописец, не было сил смотреть на их перекошенные ужасом лица. Красавицу Зебу Садерлендскую не нашли ни живой, ни мертвой. Барон Силис, так и не вернувшись в ум, вскоре скончался, а еще раньше умер простудившийся в ту страшную ночь младенец. Из всей семьи уцелел только старший сын барона, который не присутствовал в ту страшную ночь в замке, он-то и продолжил старинный и блистательный мессонский род баронов Садерлендских.

– Так ты полагаешь, просвещеннейший, что Лилия Садерлендская – и есть дама пик?

– А кроме того, она уж не знаю сколько раз правнучка нашей знакомой ибсянки Зебы, которая, по словам дракона Сюзи, если ты не забыл, дорогой друг, именно триста лет тому назад покинула Ливию, предупредив его об опасности. Впрочем, не исключено, что дракон и сам почуял Нечто.

– Нечто, выпущенное в наш мир ибсянской ведьмой и бароном Силисом?

– Очень может быть. Хотя это всего лишь наши предположения.

Достойнейший Пигал ненадолго задумался:

– А какое отношение эта покрывшаяся пылью история имеет к замку Лорк-Ней и Андрею Тимерийскому?

– Это я и хотел бы узнать, магистр. К сожалению, мне довольно трудно присматривать за своим воспитанником, не возбуждая при этом его недовольства, и я буду тебе очень благодарен, дорогой друг, если ты избавишь меня от этой нелегкой обязанности.

Пигал охотно вошел в положение просвещеннейшего Семерлинга. За молодым человеком действительно нужен был глаз да глаз, а не то он может натворить столько бед, что при- скорбная эпопея в арлиндском королевском замке покажется безделицей. Конечно, магистр в силу роста и возраста никак не мог поспеть за молодым и длинноногим князем и поэтому

вынужден был обратиться за помощью к расторопным людям. В помощи Пигалу не отказали, но сухопутные услуги Летучего Зена обошлись ему не дешевле океанских. Впрочем, деньги принадлежали Гигу Сигирийскому, и магистр счел излишним их экономить. В случае нужды местоблюститель мессонского трона не отказал бы кентавру Семерлингу и в большей сумме.

Возложив на Летучего Зена ряд весьма ответственных поручений, Пигал и сам отнюдь не пребывал в праздности. В частности, он выяснил, что прекрасная Лилия Садерлендская является невестой благородного барона Стига Краулендского, слегка помятого жизнью, но еще достаточно молодого человека с невеселым лицом и мрачноватой репутацией. Ходили слухи, что барон Стиг брал на себя выполнение очень сомнительных поручений достославного правителя Гига. Пигал решил присмотреться к барону Краулендскому поближе. Уж если это Гиг приложил свою грязную руку к похищению Елены Арлиндской, то без мрачного барона Стига здесь не обошлось.

Празднества, разразившиеся в Бусоне по случаю провозглашения наследника мессонского трона, сильно облегчили магистру задачу. Все герои драмы были буквально на виду. На устраиваемых Гигом Сигирийским бесчисленных балах тон задавали князь Андрей Тимерийский и прекрасная Лилия. Барон Стиг Краулендский пребывал на задворках сцены, мрачный и молчаливый, но, кажется, готовый вмешаться в любую минуту. Надо полагать, дурная молва о проделках князя Тимерийского достигла как барона Стига, так и ушей отца прекрасной Лилии – барона Зака Садерлендского. Во всяком случае, по уверениям Летучего Зена, во дворце старого барона были приняты все меры, чтобы не допустить повторения арлиндской трагедии на мессонской почве. А проще говоря, велено было сиятельного князя на порог дворца не пускать.

Лилия Садерлендская каждый день меняла наряды и драгоценности, стреляла в князя навывлет темными глазами, но никак не могла рассеять облака озабоченности, то и дело осеявшего чело межзвездного скитальца. Молоденькой кривляке было невдомек, чем порою бывает так расстроен сиятельный Герой. Зато достойнейшему Пигалу причина недовольства князя была очень даже понятна: на юной баронессе не было черного камня, а значит, все ее наряды и драгоценности для Андрея Тимерийского были только раздражающей мишурой. И все-таки князь не оставлял Лилию Садерлендскую в покое, а значит, по мнению магистра, был уверен, что она и есть дама пик.

Не было сомнений, что рано или поздно сиятельный Тимерийский перейдет к решительным действиям. Летучий Зен и его подручные вот уже больше недели дежурили у ворот дворца барона Садерлендского, дабы не упустить из виду ничего существенного. Если верить шкиперу, то он добился невероятных успехов, сумев завербовать агентов среди прислуги дворца. А золота, которое он вытянул из Пигала, вполне хватило, чтобы подкупить половину славного города Бусона.

До сих пор Летучий Зен поставлял магистру весьма заурядную информацию, которую, кстати говоря, вполне мог почерпнуть из городских сплетен в ближайшем кабаке. Но сегодня, кажется, откопал нечто действительно заслуживающее внимания. О колдуне Зеиле он говорил Пигалу и раньше, причем, об этой загадочной личности в Бусоне болтали на всех углах. Поговаривали, что именно Зеил способствовал Гигу Сигирийскому в блистательной карьере. И это, пожалуй, было самым конкретным из всех предъявляемых колдуну обвинений. Все остальное может быть плодом распаленного воображения городских обывателей, потрясенных тем фактом, что нашелся человек, рискнувший поселиться в старом замке Крокет, известном своими связями с нечистой силой. В существовании этого Зеила достойнейший магистр сильно сомневался, но и уверения Летучего Зена тоже не стоило сбрасывать со счетов. А шкипер настаивал на том, что именно на эту ночь назначена встреча Гига

Сигирийского с Зеилом и не где-нибудь, а во дворце барона Садерлендского. Об этом старый барон Зак говорил сегодня поутру своему другу и почти родственнику Стигу Краулендскому. Разговор Летучий Зен подслушал совершенно случайно, но за достоверность сведений ручался головой.

– А что ты, собственно, делал во дворце барона, да еще поутру? – удивился Пигал.

Выяснилось, что арлиндский мошенник попал во дворец еще вчера ночью, но то ли Рамос поспешил с выходом, то ли, наоборот, Летучий Зен подзадержался в объятиях своей возлюбленной. Так или иначе, шкиперу пришлось, спасая честь подружки, весь день прятаться в чулане, среди хлама и пыли, чтобы не попасться на глаза блюстителям мессонской нравственности, которых во дворце Садерлендского было немерено.

– А ты уверен, что говорил именно барон Зак?

– Я не только слышал, но и видел его собственными глазами. Там, в стене чулана, довольно приличная щель.

Достойнейший Пигал заволновался. Судя по всему, Летучий Зен в этот раз говорит чистую правду, и надо же, как назло, именно в этот вечер Семерлинг отправился в бусонскую обсерваторию, дабы перекинуться парой слов с местными звездочетами. Магистру буквально не с кем было посоветоваться по столь щекотливому вопросу.

– А еще я видел князя Тимерийского прямо перед воротами дворца.

– И его пропустили? – вскинул брови Пигал.

– Прошел как нож сквозь масло, – вздохнул Летучий Зен. – Охрана в лице местных лохов даже ухом не повела.

То, что князь, прикрывшись от охраны барьером невидимости, а проще говоря, с помощью гипноза проник во дворец, Пигала не удивило. Рано или поздно это должно было случиться. Удивило его другое – произошло это как раз в ту самую ночь, когда там должен был объявиться и загадочный Зеил. Большой вопрос: к кому, собственно, отправился в гости сиятельный, к баронессе или колдуну?

Какая досада, что просвещеннейшего нет рядом. Дались ему эти звездочеты! Как ни крути, а придется, видимо, магистру брать ответственность на себя. Больше такого случая, скорее всего, не представится. Одним махом можно будет выяснить, что скрывают эти люди с таким тщанием. Достойнейший Пигал поклялся вывести заговорщиков на чистую воду и своего непременно добьется. Опасно? Бесспорно. Смертельно опасно? Скорее всего, да. Но ведь и слава лучшего дознавателя Светлого круга так просто никому не достается. Надо рисковать. Тут уж ничего не поделаешь.

– А твоя подружка не подведет?

– Все зависит от суммы. – Летучий Зен преданно посмотрел на своего нанимателя.

– Дело не в оплате, – угрюмо бросил Пигал. – Меня больше интересует, как мы из дворца ноги уносить будем.

– Не извольте беспокоиться, достойнейший магистр, путь не раз проверенный и вполне надежный.

Как ни подбадривал себя достойнейший Пигал, но все-таки ему было страшно. Дворец барона Зака Садерлендского был обнесен довольно приличной каменной стеной. В благословенном Бусоне, как и во всех прочих уважающих себя столицах, по ночам пошаливали. А тут еще и Корус, ночной сторож Либии, явно запаздывал с выходом на небо-свод, обрекая магистра на полную беспомощность в непроглядной тьме. К счастью, спутник Пигала чувствовал себя в этой непростой ситуации как рыба в воде. Он без труда вскарабкался на стену и втащил за собой достойнейшего дознавателя. Потом столь же легко и непринужденно, миновав освещенный факелами участок обширного двора, скользнул в распахнутое чьей-то заботливой рукой окно. И пока Пигал с трудом обретал утерянное дыхание, Летучий Зен страстно лобызал оказавшуюся здесь явно не случайно девицу. Магистру не

хотелось быть помехой чужому счастью, но он все-таки напомнил шкиперу о делах более важных.

– А он не вор? – Патлатая девица с подозрением оглядела юркую фигурку сирина.

– Самый порядочный наниматель из всех, кого я встречал на своем пути, – обиделся за магистра Летучий Зен и сыпанул в передник своей подружки горсть монет.

Аргумент в пользу Пигала Сирина произвел сильное впечатление, и больше вопросов не последовало.

– Вот он, – вдруг тихо произнес Летучий Зен и предостерегающе положил руку на плечо сирина.

Небольшая группа всадников въезжала в распахнутые ворота. Навстречу им из дворца вышли несколько человек с факелами в руках, среди которых магистр опознал должговязую фигуру правителя Мессонской империи Гига Сигирийского. Кругленький суетливый человек рядом с правителем наверняка был Заком Садерлендским. Худощавый барон Стиг держал стремя одному из всадников, помогая спешиться. Впрочем, это было всего лишь знаком уважения, поскольку Зеил, если это действительно был он, легко спрыгнул на камни двора, не прибегая к чужой помощи. Несколько вскользь брошенных слов, смысла которых Пигал не понял, несколько взаимных поклонов, и вся компания двинулась под крышу дворца. Был ли среди встречающих князь Тимерийский, достойнейший магистр не разобрал.

Летучий Зен довольно уверенно чувствовал себя в переходах чужого дворца, видимо получил исчерпывающую информацию от своего агента в юбке. Пигал крался за шкипером с замиранием сердца, временами проклиная себя за чрезмерное усердие. Пропавшая она пропадом эта незавидная доля дознавателя.

– Сюда, – подтолкнул сирина Летучий Зен.

Насчет пыли в этом чулане шкипер был совершенно прав. И насчет хлама тоже. Сначала Пигал едва не чихнул, потом чуть не свернул себе шею о подвешенный к потолку деревянный предмет. К счастью, все обошлось: и не чихнул, и не свернул.

– Может, и не все увидим, но услышим кое-что наверняка, – сказал Летучий Зен.

Сначала голоса долетали не очень отчетливо, но вскоре сиринец приноровился и уже без труда разобрал негромкую речь собравшихся в большом зале знатных господ. Говорил Гиг Сигирийский, его гость, вероятно все же Зеил, сидел к отверстию спиной, и Пигал мог видеть только его затылок, прикрытый капюшоном, который он почему-то не снял, даже оказавшись в теплом помещении. В зале находились и оба барона, Садерлендский и Краулендский.

– Князь Тимерийский всего лишь юнец, к тому же глупый. – В голосе Гига Сигирийского прорывалось раздражение. – Не понимаю, почему он тебя так занимает.

– Этот юнец уже многое успел. – Голос гостя был неприятно скрипучим, словно кто-то проводил гвоздем по стеклу.

– Но это многое скорее пошло нам на пользу, чем во вред, – засмеялся Сигирийский, и оба барона подхватили его смех.

Зеил к мессонцам не присоединился, хотя магистр очень хотел бы услышать его, а еще лучше – увидеть лицо. Странное беспокойство охватывало сирина, стоило ему только перевести взгляд с лица правителя Гига на гостя. Было в этом спрятанном под материей черепа что-то чужеродное, непривычно угловатое для такого круглого во всех отношениях предмета, как голова. Да и поведение баронов было необычным: оба старательно избегали смотреть в сторону Зеила, пряча глаза в хрустальные бокалы с мессонским вином.

– Мальчишка гораздо опаснее, чем ты думаешь, Гиг, – снова заскользил по стеклу ржавый гвоздь. – Но главная опасность не в нем, а в кентавре Семерлинге.

– Не знаю.– Сигирийский с сомнением покачал головой.– Пока что старый мерин копается в пыльных бумажках да ведет бесконечные разговоры с бусонскими книжными червями.

– В пыльных бумажонках можно выловить много полезного и существенного, не говоря уже о книжных червях, которые ведут наблюдение за небом Либии вот уже добрую тысячу лет.

– А при чем здесь звезды? – удивился Зак Садерлендский.

Но этот вопрос остался без ответа, к большому неудовольствию как барона, так и магистра.

– Если кентавр Семерлинг прибыл на захолустную планету Либия, значит, он почувствовал что-то неладное в этом районе Вселенной.

– Но ведь он и раньше здесь бывал,– пожал широкими плечами Гиг Сигирийский.– Ты же знаешь. Лет двадцать тому назад. Да и не станет Высший Совет Светлого круга вмешиваться в наши дела.

– В ваши дела не станет, благородный Гиг, но в мои очень даже может. Впрочем, пока у нас с Семерлингом общая цель.

– В каком смысле? – Этот вопрос чуть было не задал вслух Пигал Сирийский, но, к счастью, его опередил барон Зак.

И вновь ни тот, ни другой не получили ответа.

– Я всегда готов помочь тебе, Зеил,– заговорил Гиг после довольно продолжительного неловкого молчания.– Но надеюсь, ты тоже не оставишь нас в беде.

– Можешь не беспокоиться,– подтвердил скрипун.– Твои дела – это мои дела.

– А не кажется ли тебе, Зеил,– Сигирийский был явно удовлетворен ответом,– что пришла пора Елене Арлиндской исчезнуть навсегда?

– Стоит ли так торопиться? – осторожно вмешался барон Садерлендский.– Давайте подождем, пока Асольда разродится своим чадом.

– Я тоже не стал бы спешить.– Скрип Зеила действовал Пигалу на нервы, но он слушал затаив дыхание, боясь пропустить хотя бы слово.– Замок Крокет место надежное, а девчонка может нам еще пригодиться.

– Но юнца в любом случае следует убрать,– раздраженно воскликнул Гиг Сигирийский.– Он меня бесит своим нахальством.

– Если мы убьем Героя, у нас будет куча неприятностей,– возразил барон Зак.– Все его неукротимое племя свалится на Либия, чтобы отомстить за благородного паррийца.

– Ну почему же,– скрипнул гость.– Если, скажем, барон Зак Садерлендский вступится за честь своей дочери и убьет Героя на поединке, то это не будет поводом к войне.

Садерлендский фыркнул в свой бокал, расплескав вино по белой скатерти:

– Покорнейше благодарю, но мне жизнь еще не надоела, к тому же я не думаю, чтобы честь моей дочери пострадала.

– Тогда, может, барон Стиг вступится за свою невесту?

Скрипун ждал ответа, но барон Краулендский помалкивал, за него ответил Садерлендский:

– Зачем покойнику честь? Ни у меня, ни у барона Стига нет ровно никаких шансов продержаться против Героя больше одной минуты, и я не совсем понимаю, зачем тебе нужна наша смерть, Зеил. Энергетический меч у него в руках или простой, либийский, но Герой есть Герой, и силы в этом негодяе немерено.

Достойнейшему Пигалу довелось-таки услышать, как смеется скрипун, если, конечно, взвизгивание ножа при встрече с точильным камнем можно назвать смехом.

– Это у князя Тимерийского в руках будет простой меч, а у барона Стига не совсем.

Чужак тихо свистнул, настолько тихо, что Пигал с трудом это уловил. Возможно, ему помешало сопение Летучего Зена, который совсем рядом подпирал стену. Однако нашелся некто, обладающий более изощренным слухом, чем сиринец. И этот некто, облаченный в черный плащ, через несколько секунд возник на пороге. Складки длинного плаща скрывали линии тела, но лицо было открыто, если, конечно, отвратительное рыло жабовидного пщака можно считать лицом. Костяные пластины, заменяющие пщаку одновременно зубы и губы, глухо клацнули, а большие, в пол-лица, глаза уставились, казалось, прямо в Пигала Сирина. Гнусавый квакающий голос вырывался даже не изо рта, а из подобия носа, отвратительного провала на лице, заросшего редкими волосами. Жабовидный пщак прогнусил что-то на незнакомом Пигалу языке и протянул своему повелителю меч. Рука пщака, покрытая зеленоватыми наростами, была отвратительна, но еще отвратительнее была клешня, выскользнувшая из-под плаща Зеила. Казалось, что она гнется сразу в нескольких местах, иначе трудно было объяснить, почему меч в этой клешне чертит в воздухе столь немыслимые линии. Чужак, желая, видимо, прихвастнуть своим искусством, поднялся со своего места и повернулся к Пигалу лицом. Лучше бы он этого не делал, этот членистоногий, — более гнусного создания сиринец видеть не доводилось. Назвав это чудище кузнечиком, князь Тиме-рийский ему польстил. В отличие от того, полусгнившего на корвете, этот являл себя во всей своей живой и отвратительной красе. У чужака было четыре руки и две ноги. Спина и грудь до пояса были покрыты пластинами. Самым чудовищным было все же оранжевое полупрозрачное брюшко, болтающееся мешком между широко расставленных ног, в котором булькало и шевелилось что-то живое, похожее на клубок змей. Человеческому глазу выносить такое зрелище явно не под силу. И только долг ученого и дознавателя не позволил Пигалу Сирина отшатнуться и закричать. Зато Летучий Зен не был ни ученым, ни дознавателем и поэтому заорал во всю мощь своих легких, переполошив весь дворец барона Садерлендского.

Пигал сумел выскользнуть за перепуганным шкипером из чулана, но тут же заблудился в темных помещениях чужого дома. Летучий Зен кричал уже где-то внизу, кажется, даже во дворе, а сиринец все еще беспомощно метался по второму этажу в поисках лестницы. Все многочисленное население дворца подхватило и бегало по двору и внутренним покоем с факелами и светильниками в руках. Среди поднявшегося шума прорезался пронзительный голос барона Зака:

— Поймать негодяя живым или мертвым.

Пигалу почему-то не хотелось попадать в руки кузнечика Зеила и его жабовидных подручных ни живым, ни даже мертвым. И поэтому, пригнувшись к полу, а уж если быть совсем откровенным, встав на четвереньки, он двинулся в полной темноте навстречу гибели или спасению. Путь этот привел его, однако, к чьим-то сапогам, в которые он уткнулся носом с разбега.

— Ба, магистр, — услышал он над собой насмешливый голос. — В ваши ли годы по девочкам ходить.

Пигалу этот глас показался трубным, хотя на самом деле его обладатель говорил шепотом, видимо, тоже не надеялся на теплый прием в этом негостеприимном доме. Как только сиринец это осознал, он тут же принял вертикальное положение:

— Я здесь исключительно по делу, человек молодой, а вот что здесь делаете вы, мне непонятно.

— У каждого свои дела, достойнейший.

Сиринец показалось, что князь над ним смеется, однако на претензии времени уже не оставалось. Погоня приближалась, светильники мелькали уже совсем рядом, поэтому Тиме-рийский лишь приложил палец к губам и кивком головы предложил Пигалу следовать за собой. Князь, надо отдать ему должное, ориентировался в дворцовом пространстве уж никак

не хуже Летучего Зена. Только у самой ограды они наткнулись на охранника, вздумавшего, на свою беду, махать мечом. После удара Андрея он рухнул на камни, даже не вскрикнув. На установление барьера невидимости в такой спешке рассчитывать не приходилось, поэтому единственным спасением могли стать ноги. Точнее, максимальная скорость, с которой они могли унести от многочисленных преследователей.

– Быстрее.– Тимерийский был уже на стене и оттуда протягивал сириincu руку с кожаным поясом.

Пигал с трудом дотянулся до стальной пряжки, встав на цыпочки, и тут же взлетел в воздух, чиркнув напоследок по камням желтыми сапожками.

– Бежим!

Бежал, собственно, один князь, а достойнейший Пигал довольно удобно устроился у него на загривке. И, между прочим, пришел в процессе бега к выводу, что спина кентавра более подходящее место для сиринца, чем спина Героя, но природная деликатность не позволила ему высказать эту мысль вслух. Тем более что бежал князь довольно резво, и погоня вскоре безнадежно отстала.

Кентавр Семерлинг поднял седую голову и вопросительно взглянул на ворвавшихся в его комнату ночных гуляк. Достойнейший Пигал так спешил поделиться с другом полученными новостями, что даже на некоторое время забыл о своем ранге магистра.

– Значит, Елена Арлиндская находится в замке Крокет,– спокойно констатировал кентавр.

– И как ты успел, вероятно, заметить, уважаемый воспитатель,– Пигал сделал многозначительную паузу,– это не самая важная из наших новостей.

Андрей Тимерийский сидел в кресле, закинув ногу на ногу, и любовался своими перстнями. Перстней было уже три, что, в общем-то, не удивило Пигала, однако не удержало от ехидного вопроса.

– Камень находился в шкатулке баронессы Лилии Садерлендской,– усмехнулся князь.– Как видишь, магистр, я ничего не скрываю от своих друзей.

Пигал возмущенно фыркнул:

– Надеюсь, ты его не украл, человек молодой.

– Именно украл. Мне не хотелось будить милое создание, утомившееся на исходе ночи.

– Ты, человек молодой, негодяй,– не сдержался достойнейший Пигал.– И я рад, что имею возможность сказать тебе об этом прямо в лицо. Ты обманщик и вор.

– Обманывать любезных твоему сердцу некрасиво,– охотно согласился князь,– но еще более некрасиво – устраивать слежку за своими знакомыми. Фи, достойнейший Пигал, вот уж не ожидал подобных мелких пакостей от великого магистра.

Пигал покраснел от стыда и возмущения: этот негодяй еще смеет предъявлять кому-то претензии после того, что случилось в арлинском королевском замке?

– Это была страсть,– продолжил Андрей.– А тобой правил голый расчет. Кстати, это не твой агент сопит сейчас под дверью?

Летучий Зен, видимо, принял вопрос князя за разрешение войти и прямо с порога начать оправдательную речь.

– Никто бы не выдержал, увидев такое,– зачастил шкипер, хлопая круглыми от страха глазами.

– Кого испугался этот человек? – удивился кентавр Семерлинг.

Пришлось рассказывать все по порядку. Как Пигал нанял Летучего Зена, чтобы приглядеть за домом барона Садерлендского, и что из этого в конце концов получилось.

– Зеил,– задумчиво произнес Семерлинг.– Мне говорили о нем, но я полагал, что это всего лишь глупые сплетни, да и ты, достойнейший магистр, разделял мое мнение. Выходит, мы здорово ошиблись.

– А еще он сказал, что у него с Семерлингом цель общая,– шмыгнул носом Летучий Зен.– А уж когда у него внутри все забулькало, я не выдержал. На гнусавых я еще смолчал, но этот членистоногий ни в какие ворота не лезет.

– Какие еще «гнусавые»? – кентавр вопросительно взглянул на Пигала.

– Жабовидные пщакки.– Магистр не удержался и сплюнул от отвращения.– Такое вот гадючье гнездо появилось под боком у Гига Сигирийского. А на месте князя я бы со стыда сгорел: по твоей милости жизнь девушки в опасности.

– Гиг все кричал: «Убьем Елену Арлиндскую»,– дополнил Летучий Зен.– А тот говорит, что лучше давайте убьем Героя на поединке.

– Зеил готовит какую-то ловушку для князя Тимерийского, но, к сожалению, мы не дослушали разговор,– вздохнул Пигал.– Впрочем, шкипера я не виню, а человеку молодому следует поостеречься.

– Так, может, это...– Летучий Зен слегка приободрился после слов магистра,–...компенсацию за страдания?

– Изыди,– воскликнул в благородном негодовании Пигал.

Расторопный арлиндец незамедлительно исчез, осознав, видимо, всю нелепость своих притязаний.

– Придется мне навестить червонную даму в замке Крокет,– небрежно бросил князь Тимерийский.

– Вряд ли это будет так уж легко,– покачал головой Семерлинг.

– Доступа туда пока нет,– подтвердил Тимерийский.– Я осмотрел и замок, и окрестности. Кроме стен там еще и мощный магический барьер поставлен. Конечно, можно было бы подстеречь Зеила вне стен замка Крокет, но не у всех столь надежные агенты, как у достойнейшего магистра.

– А от кого ты узнал о замке Крокет, человек молодой? – Пигал пропустил выпад князя мимо ушей.

– У каждого свои методы работы, достойнейший.

– От Лилии Садерлендской,– догадался сиринец.– И что она еще тебе рассказала?

– Лилия поведала мне интереснейшую историю о своем предке бароне Силисе Садерлендском.

– И что же тебя в этой истории заинтересовало? – спросил кентавр Семерлинг.– Меня поразил младенец, который не плакал.

– А при чем здесь младенец? – удивился Пигал.

– А при том, что все о нем помнят триста лет.– Князь поднялся с места и слегка поклонился, прощаясь с собеседниками.– Тогда погибло два десятка человек, но люди почему-то помнят о каком-то младенце, который вскоре умер.

Князь Тимерийский больше ничего не добавил к сказанному и вышел из комнаты. Достойнейший Пигал растерянно смотрел ему в спину.

– Он прав,– негромко произнес Семерлинг.– С этим младенцем было связано что-то настолько всех поразившее, что даже через триста лет о нем не забыли.

– Я все-таки не понимаю, зачем князю дамы и их черные камни? – раздраженно запыхтел Пигал Сирийский.– И неужели ему непременно нужно заходить в своих отношениях с ними... так далеко?

– Андрей Тимерийский идет по заданной кем-то программе, и, похоже, он сам иной раз не может объяснить своих поступков.

Конечно, просвещеннейшему Семерлингу удобнее было кивать на заданную кем-то программу, чем на промахи в воспитании. Что, в общем-то, объяснимо, кому же хочется признавать собственные ошибки. Но, по мнению магистра, сиятельный Тимерийский был просто негодяй, причем не по программе, а как раз по воспитанию и образу мыслей. Не моргнув глазом и только для того, чтобы ублажить собственную плоть, он поставил под удар прекрасную девушку, которую подрядился освободить. Ну не подлец он после этого, и при чем тут, скажите, программа?

А взять несчастную Лилию Садерлендскую – мало того что опозорил, так еще и обокрал. И ни тени раскаяния на лице. А та легкость, с которой он убил сегодня человека в саду барона Садерлендского. Тот, правда, был вооружен и угрожал беглецам мечом, но ведь сиятельный даже не заметил, что убил. Отмахнулся, как от назойливого комара.

Кентавр Семерлинг в задумчивости провел ладонью по лицу. То ли собирался с мыслями, то ли отгонял надоедливые и бесплодные, пытаюсь сосредоточиться на самом важном.

– И зачем надо было тогда разрушать замок Лорк-Ней? – задумавшись, произнес кентавр.

Достойнейший Пигал, ждавший ответа, но уж никак не вопроса, растерялся. А действительно, зачем? Замок Лорк-Ней был форпостом на самой границе Светлого круга, но ведь за его разрушением ничего не последовало: не пострадали ни Сирис, ни Ариаль, ни Либия, которые практически остались без прикрытия. Вот бы где жабовидным пщакам и их союзникам-кузнечикам разгуляться. Разумеется, Герои Парры вмешались бы, но ведь сколько было бы тогда жертв. Светлый круг, он ведь только называется Светлым, а разной пакости вроде кикимор с Селы или хрохов с Лиэля здесь хватает. В Темном круге пакости еще больше, во всяком случае, так уверяют все, кому довелось там побывать. А удалось совсем немногим, только таким отчаянным, как кентавр Семерлинг и князь Феликс. Впрочем, просвещеннейший Семерлинг не любит вспоминать о своих приключениях, а князя Феликса уже нет в живых.

– Представь себе, достойнейший магистр, что рядом с твоей планетой вдруг появилось Нечто, способное напугать даже тебя, совсем неробкого жабовидного пщака.

– Спасибо за пщака, просвещеннейший, – обиделся сиринец.

– И это Нечто грозит разрушить все вокруг себя, – рассуждая вслух, продолжил кентавр.

– Но это уже фантазии, дорогой друг, откуда в замке Лорк-Ней это самое Нечто? Уж мы-то с тобой знали князя Феликса как облупленного...

Магистр осекся: именно знал, и именно Пигал Сиринский не раз предупреждал князя, что не следует тащить в свой дом разную дрянь. А Феликс, молодой и беспечный, только смеялся. Вот и досмеялся.

– Но не хочешь же ты сказать, просвещеннейший, что этот Черный скоморох, эта чурка...

– Ты слышал, что сейчас сказал Андрей Тимерийский? – прервал друга Семерлинг.

– Человек молодой много чего наговорил.

– Я имею в виду младенца, который не плакал. Младенцы быстро успокаиваются, когда им в руки попадает забавная игрушка.

– Но почему игрушка?

– А почему нет, достойнейший. Тем более такая забавная, как Черный скоморох. Ведь и маленькому Андрею она страшно нравилась, он все время пытался разгрызть ее едва появившимися зубами.

– Неужели ты думаешь, что этот Силис и эта негодяйка Зеба коснулись Черной плазмы?! – в ужасе отшатнулся магистр.

– Думаю, что не просто коснулись.

– Ты полагаешь, что часть Черной плазмы проникла к нам, трансформировавшись в Черного скомороха?

– Будем надеяться, что это так, – спокойно отозвался Семерлинг.

Спокойствие просвещеннейшего Семерлинга очень не понравилось достойнейшему Пигалу. Шутка сказать – Черная плазма! Тут надо бить в набат, а не бумажки перебирать. А потом, что значат эти слова кентавра: «Будем надеяться». Неужели есть еще более худший вариант? Но об этом варианте магистру даже думать не хотелось, поскольку это был конец всему.

– Черные камни, столь любезные сердцу человека молодого, это тоже осколки плазмы?

– Вероятно, – кивнул Семерлинг. – Наверняка Лорк-Ней разрушил именно Зеил и его соплеменники, они и запрограммировали Андрея на сбор всего, что имеет отношение к Черной плазме.

– Но тогда резонно будет предположить, что кузнечик Зеил охотится именно за Черным скоморохом.

– Очень может быть, – согласился кентавр.

– А тебе не кажется, что следует помешать поединку?

– Нет, достойнейший Пигал, ни в коем случае. Пусть все идет своим чередом. Я думаю, этот поединок прояснит очень многое, если не все.

Позиция просвещеннейшего друга магистру не слишком понравилась. Сидеть и ждать невесть чего, когда противники действуют, и действуют активно?!

Барон Стиг уже прислал князю Андрею вызов на поединок. Внешне все выглядело довольно логично, поскольку о ночном происшествии во дворце барона Садерлендского судачил уже весь город. Подробнейшим образом перечислялись все участвовавшие в налете лица. А достойнейшему Пигалу приписывалось очередное сводничество. Якобы он искусством опытного мага усыпил бдительную охрану, что и позволило молодому негодяю, как и в арлиндском королевском замке, совершить свое грязное дело. Сиринский магистр, несмотря на нападки толпы, держался с достоинством и даже принял предложение князя Тимерийского поучаствовать в поединке в качестве секунданта. Последнее он, впрочем, сделал по совету кентавра Семерлинга. Однако свалившиеся на голову неприятности не заслонили главной задачи, которую взялся разрешить достойнейший дознаватель: поиски Елены Арлиндской продолжались. Не доверяя никому, магистр лично исследовал заросли вокруг таинственного замка Крокет, но, увы, без успеха. Замок был закупорен так надежно, что даже искусство далекого последнего знатока Белой магии оказалось бессильно. Оставалось надеяться, что кузнечик Зеил как-то проявит себя во время поединка, ведь он твердо обещал свою помощь барону Краулендскому. По городу поползли невесть кем пущенные слухи, что на стороне барона Стига выступит колдун и чародей Зеил, а на стороне князя Андрея – его всегдашний подельник и маг Пигал Сиринский. Достойнейшего Пигала страшно раздражало невежество бусонской толпы. Назвать просто магом одного из учений магистров Светлого круга было верхом непристойности.

Главная арена Бусона, построенная еще прадедушкой Сайры Великодушного для боя быков и прочих кровавых увеселений, заполнилась зрителями с самого утра. Судачили о том о сем. В частности, о замке Крокет и его нынешнем хозяине Зеиле. Однако находились скептики, которые в Зеила не верили, а утверждали, что таинственный замок просто тюрьма, где тайно содержатся враги Гига Сигирийского. Скептикам, как водится, били морду, чтобы не настраивали людей против мессонского правителя и не морочили всем голову своей Еленой Арлиндской. Да здравствует правитель Гиг и его еще не родившийся внук, будущий император Мессонии! Словом, на трибунах царило привычное для таких мероприятий оживление.

Бусонские кумушки сгорали от нетерпения увидеть и сердцеда князя Тимерийского, и его новую страсть – Лилию Садерлендскую, из-за которой разгорелся весь этот сыр-бор. Спор, собственно, велся вокруг одного: уронит ли слезу прекрасная Лилия по поводу поражения своего незадачливого жениха барона Стига, или же будет откровенно радоваться удаче любовника князя Андрея. Люди посolidнее обсуждали, сколько минут продержится во славу Мессонии и всей Либии барон Краулендский против залетного Героя. Выходило как-то до смешного мало и обидно для бусонского самолюбия. Эстеты ждали поединка чародеев, ибо для людей сведущих нет большего наслаждения, чем игра интеллекта. Что по сравнению с этим кровавая бойня на потеху черни?

Правитель Гиг Сигирийский прибыл ближе к полудню, сопровождаемый героем дня Стигом Краулендским и просто Героем князем Тимерийским. Все тут же обратили внимание, что барон Стиг неестественно бледен и мрачен, как покойник, уже подготовленный к жизни иной, а князь весел, как птичка поутру после хорошего завтрака. Разумеется, черноглазая Садерлендская была здесь же. Зря беспокоились кумушки, совести у нее, оказывается, хватило, чтобы появиться на людях после пережитого позора. Выглядела она не раскаявшейся грешницей, а победительницей, словно не по ее вине идет на смерть барон Краулендский, дабы не уронить мессонской чести. Все-таки доблесть в сердцах мессонцев не угасла, и это, бесспорно, приятно сознавать, сидя на трибуне, в безопасном отдалении от кровавой драмы.

Первыми на арену вышли барон Антильский, секундант Краулендского, и магистр Пигал Сирийский, секундант Тимерийского. Ждали чародея Зеила, но тот, к огромному разочарованию толпы, и в этот раз уклонился от боя. Скептики в очередной раз одержали победу, а легководы были посрамлены.

Пигал внимательно оглядел мечи: на его придирчивый взгляд, ничего необычного в них не было. Стиг Краулендский, как лицо, оскорбленное противником, выбирал меч первым. Взгляд мессонского барона насторожил сирийца – абсолютно отсутствующим был этот взгляд. Судя по всему, Зеил здорово поработал над бароном, превратив его в натурального зомби. Пигал обратил на это внимание своего подопечного, но Герой как ни в чем не бывало продолжал улыбаться публике: добродушно, как отметила часть бусонцев, симпатизировавшая Тимерийскому, вызывая, возразили им недоброжелатели, коих было числом поболее, глумливо, поддерживали недоброжелателей в окружении Гига Сигирийского, и, наконец, обольстительно-окончательный вердикт был вынесен женской половиной собрания, независимо от возраста и политических пристрастий. Достоинейший Пигал посчитал улыбку наглой, перейдя тем самым в стан недоброжелателей, и махнул на молодого человека рукой.

Противники сошлись лицом к лицу в центре арены. Публика затаила дыхание в ожидании первых ударов стальных клинков. Однако клинки так и не сошлись в коротком, как вспышка молнии, поцелуе. Меч барона Стига прочмокал мимо плеча увертливого противника. Этот промах вызвал бурю насмешек на трибуне. Князь был хорош, что ни говори. Казалось, он не двигается, а танцует, не рубится, а вырисовывает в воздухе замысловатые фигуры. На барона Стига ловкость противника не произвела особенного впечатления: он с настойчивостью идиота продолжал рубить воздух. Публика веселилась от души, и только на лицо правителя Гига набежала тень, да барон Зак Садерлендский нервно покусывал губу.

Наконец князь Тимерийский тоже решил нанести удар, скорее, с целью напугать противника, чем убить. В первый раз за время поединка мечи встретились, и случилось чудо – клинок князя хрустнул, словно стеклянный, и переломился у самого основания. Толпа охнула – вот оно, началось! Никто не усомнился, что это был выпад чародея Зеила, стоящего невидимкой за спиной барона. Его противник, Пигал Сирийский, выглядел растерянным, это заметили все и разочарованно вздохнули. Во всяком случае, «гном» ничем не смог ответить на выпад колдуна и оставил своего подопечного на произвол судьбы.

Достойнейший Пигал действительно пребывал в затруднении, в конце концов, он же не фокусник какой-нибудь, чтобы изрыгать огонь изо рта, как от него ждет окончательно рехнувшаяся толпа.

Все попытки князя выбить чудо-оружие из рук противника заканчивались ничем: меч сидел в руке Стига как приклеенный. Барон не моргнув глазом выдержал даже страшный по силе удар ногой в лицо, непременно бы опрокинувший на арену любого другого воина. Здесь даже скептики уверовали, что все это неспроста. Краулендский наступал на своего противника с настойчивостью марионетки, беспрерывно размахивая мечом, понукаемый опытным кукловодом. Но при этом даже капельки пота не выступило на его бледном лице. Дышал он на зависть ровно, словно кто-то посторонний размеренно качал мехи у него в груди. Барона поддерживала чудовищная внешняя сила, и в этом у примолкших зрителей уже не было сомнения. Зато появился страх: одно дело болтать о колдунах и чародеях за чаркой доброго мессонского вина и совсем иное наблюдать за их действиями воочию и прикидывать в уме – не коснется ли это и собственной шеи.

Князь Тимерийский явно сдавал, меч барона Стига уже не раз свистел в опасной близости от его лица. К тому же барон все наращивал и наращивал скорость и силу своих ударов, и не было на свете человеческого сердца, которое могло бы выдержать этот чудовищный темп.

И все-таки князь Тимерийский продолжал бороться. Большие зеленые глаза его бдительно следили за противником, но уставшее тело уже не успевало за командами возбужденного схваткой мозга. Внезапно князь поскользнулся и упал на спину. Тяжелый меч барона Стига взлетел над его головой, но тут и случилось нечто чудовищное и невероятное, о чем потом долго судачили в славном городе Бусоне. То ли случайно, то ли это была заранее подготовленная Пигалом Сиринским ловушка, как потом утверждали многие очевидцы, но князь Тимерийский вдруг подставил под лезвие несущего смерть меча обрубок дерева или статуэтку – словом, нечто на первый взгляд совершенно бесполезное, однако меч барона Стига вдруг вспыхнул ярким пламенем, а следом загорелся и сам барон. Видимо, боль привела Краулендского в чувство, и он закричал, заметался по арене, к ужасу зрителей. Бросившийся ему на помощь слуга тоже вспыхнул таким же синеватым пламенем, и этого оказалось достаточно, чтобы публика завопила от страха и ломанула, сметая все на своем пути, к выходу.

В чудовищном колдовстве, которое стоило Бусону еще около десятка жизней, унесенных невиданной давкой, обвинили Пигала Сиринского. Всему есть предел, даже терпению народа. Барона Краулендского не любили, но другие за что погибли? Уж коли ты маг и выходишь на публику со своим искусством, так будь добр обеспечить ни в чем не повинным людям безопасность. А то что же это происходит, дорогие сограждане, болтаются тут всякие по благословенной Либии, ни дна им, ни покрывашки. Слышались, правда, робкие возражения, что де не Пигал Сиринский начал дьявольское соревнованием, а сам барон Стиг прибег к помощи чародея Зеила, но это были те самые скептики, которым уже били морды за Елену Арлиндскую и теперь добавили еще и за Пигала Сиринского, чтобы знали, за кого заступаться в следующий раз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.